
Монтеスキе III. де

Размышления о причинах величия и падения римлян

Г Л А В А I

1. Начало Рима. — 2. Его войны

Когда мы думаем о начале Рима, то не следует представлять себе, что он имел вид современного города; скорее, он напоминал города Крыма, построенные для того, чтобы содержать в их стенах военную добычу, скот и продовольствие. Все древние названия главных мест Рима ведут свое происхождение от этого обычая.

Город не имел даже улиц, если не называть этим именем продолжения дорог, кончавшихся в нем. Дома были очень малы и разбросаны без всякого порядка, ибо мужчины, всегда работавшие в поле или находившиеся на форуме, совсем не жили в них.

Но величие Рима вскоре проявилось в его общественных зданиях. Сооружения, которые теперь, как и в былые времена, дают самое возвышенное представление о его могуществе, были построены при царях. Уже тогда начали строить Вечный город.

Ромул и его преемники почти все время вели войны со своими соседями для того, чтобы иметь больше граждан, женщин или земель; они возвращались в город с добычей, взятой у побежденных народов; добыча, состоявшая из хлебных снопов и стад, вызывала великую радость у жителей. Это послужило началом триумфов, которые впоследствии стали главной причиной того величия, которого достиг город.

Рим увеличил свои силы благодаря объединению с сабинами, суровым и воинственным народом, напоминавшим лакедемонян, от которых они происходили. Ромул заимствовал у них большой щит вместо маленького аргивского щита, которым он пользовался ранее, — следует заметить, что римляне стали владыками мира главным образом благодаря тому обстоятельству, что, непрерывно воюя со всеми народами, они всегда отказывались от своих обычаев, как только замечали, что их можно заменить лучшими.

Итальянские республики считали тогда, что договоры, заключенные с одним царем, не налагают на них никаких обязанностей по отношению к его преемнику; это было для них своего рода международным правом. Таким образом, все народы, покоренные одним царем Рима, считали себя свободными по отношению к другому, так что войны все время порождали войны.

Долгое и мирное царствование Нумы имело своим следствием то, что Рим сохранил свои прежние пределы; если бы он имел тогда более значительную территорию и был более могущественным, то, вероятно, его судьба была бы predeterminedена навсегда.

Одна из причин процветания Рима состояла в том, что все его цари были великими людьми. Мы не имеем в истории другого примера подобной непрерывной последовательности таких выдающихся государственных людей и полководцев.

Строй обществ при их возникновении устанавливается главами республик; в дальнейшем, наоборот, строй воспитывает глав республик.

Тарквиний* захватил власть, не будучи избран ни сенатом, ни народом. Власть становилась наследственной; он сделал ее абсолютной. За этими двумя революциями последовала третья.

Его сын Секст, учинив насилие над Лукрецией, совершил преступление, которое почти всегда служило причиной изгнания тиранов из тех городов, где они были начальниками; ибо народ, которого подобный поступок всегда заставляет сильно почувствовать свое рабское состояние, прибегает тогда немедленно к крайним мерам.

Народ легко выносит, когда его облагают новыми налогами; он не знает, не употребят ли

взятые у него деньги таким образом, что и он извлечет некоторую пользу из этого. Но когда ему наносят обиду, он только чувствует свое несчастье и представляет себе при этом все то зло, которое ему могут причинить.

Однако нет сомнения, что смерть Лукреции была только поводом для той революции, которая произошла, ибо гордый, предприимчивый и смелый народ, заключенный в своих стенах, неизбежно либо смирится, либо свергнет иго, наложенное на него.

Должно было произойти одно из двух: или Рим должен был изменить свое правительство, или он остался бы маленькой и бедной монархией.

Удивительно, что и современная история дает нам пример того, что произошло тогда в Риме: ибо люди во все времена испытывают одинаковые страсти, но поводы, приводящие к великим переменам, различны, хотя причины всегда те же самые.

Подобно тому как Генрих VII, король Англии, увеличил власть общин для того, чтобы унижить лордов, Сервий Туллий² до него расширил права, народа для того, чтобы ослабить сенат. Но народ, став более дерзким, ниспроверг как ту, так и другую монархию.

Портрет Тарквиния, оставленный нам потомством, не лестен для него; нет ни одного оратора, выступавшего против тирании, который не упомянул бы его имени. Но его поведение до случившегося с ним несчастья, которое он предвидел, его кротость по отношению к побежденным народам, щедрость по отношению к солдатам, искусство, с которым он сумел привлечь на свою сторону множество людей, его общественные сооружения, его смелость в войне, стойкость в несчастьях, двадцатилетняя война, которую он вел или побудил союзников вести против римского народа, не имея ни царства, ни богатств, постоянные ресурсы, которые он находил для ведения войны, — все это доказывает, что он был незаурядным человеком.

Оценка, которую потомство дает деятелю, зависит, как и все прочее, от капризов фортуны; но горе репутации всякого государя, которого победила партия, ставшая впоследствии господствующей, или который пытался разрушить предрассудок, переживший его.

Рим, изгнав царей, установил должность ежегодных консулов; это возвело его на вершину могущества. В жизни каждого государя бывает период честолюбия; но за ним следуют периоды господства других страстей и даже лени. Но консулы республики, сменявшиеся каждый год и стремившиеся прославить свое правление, чтобы вновь получить свою должность, не теряли ни одного мгновения для проявления своего честолюбия: они побуждали сенат предлагать народу объявлять войну и каждый день указывали ему новых врагов.

Сенат и сам по себе был склонен к ведению войны: народ непрерывно докучал ему своими жалобами и требованиями, и, чтобы рассеять его беспокойство, он стремился занять его внешними делами.

Война же почти всегда была приятна народу, ибо начальники в разумном распределении добычи нашли средство сделать ее полезной ему.

Рим не был торговым городом, в нем почти не было ремесел; грабеж был единственным способом обогащения его граждан.

В самом грабеже соблюдалась известная дисциплина; он производился приблизительно в том же порядке, какой мы видим теперь у крымских татар.

Добыча считалась общей, и ее распределяли между солдатами; ничего не пропадало, потому что до отправления на войну каждый давал клятву, что он ничего не похитит из добычи в свою личную пользу. А римляне добросовестнее всех народов в мире соблюдали клятву, которая всегда была движущей силой их военной дисциплины.

Наконец, граждане, которые оставались в городе, также пользовались плодами победы. Часть земель побежденного народа подвергалась конфискации, причем она делилась на две доли: одна продавалась в пользу государства, другая же распределялась между бедными

гражданами, которые обязаны были выплачивать ренту в пользу республики.

Консулы, которым декретировали триумф только в том случае, если они совершили завоевание или одержали победу, вели войну чрезвычайно стремительно, они шли прямо на врага, и сила вскоре решала участь войны.

Рим находился в состоянии непрерывной и жестокой войны; но нация, которая все время ведет войну, нация, у которой война служит принципом правительства, неизбежно должна погибнуть или же восторжествовать над всеми другими нациями, которые как во время войны, так и во время мира не приспособлены в такой степени к ведению наступательной или оборонительной войны.

Благодаря этому римляне приобрели глубокие познания в военном искусстве. При кратковременных войнах большинство примеров пропадает даром; мир дает другое направление мыслям, люди забывают не только свои ошибки, но даже и свои подвиги.

Другое следствие принципа непрерывной войны состояло в том, что римляне всегда заключали мир только в качестве победителей. Действительно, какой смысл был заключать позорный мир с одним народом для того, чтобы затем напасть на другой народ?

Руководствуясь этой идеей, они увеличивали свои требования по мере того, как терпели поражения. Этим они повергали в ужас своих победителей и ставили самих себя в такое положение, которое настоятельно требовало от них победы.

Так как они все время подвергались опасности самого ужасного мщения, то настойчивость и мужество стали для них необходимыми добродетелями. Эти добродетели сливались у них воедино с любовью к себе, к своей семье, к своему отечеству, словом, ко всему самому дорогому для человека.

Народы Италии совершенно не умели тогда пользоваться осадными машинами; более того, так как солдаты не получали жалования, то их нельзя было долго удерживать для осады на одном месте, поэтому очень немногие войны вели к решительному исходу. Сражались только для того, чтобы разграбить лагерь неприятеля или его земли; после этого как победитель, так и побежденный возвращались обратно в свои города. Это увеличивало сопротивление народов Италии и в то же время делало римлян более настойчивыми в их стремлении покорить эти народы; это доставило римлянам такие победы, которые не испортили их и оставили при всей прежней бедности.

Если бы они быстро покорили все соседние города, то при нашествиях Пирра, галлов и Ганнибала³ они уже находились бы в состоянии упадка. Они испытали бы участь почти всех народов в мире, перейдя слишком быстро от бедности к богатству и от богатства к испорченности.

Но Рим, прилагая все время усилия и неизменно встречая препятствия, заставлял народы чувствовать свое могущество, не имея возможности распространить его; в пределах узкого круга он упражнялся в добродетелях, которые должны были стать роковыми для вселенной.

Не все народы Италии были одинаково воинственны: туски были изнежены богатством и роскошью, тарентинцы, капуанцы, жители почти всех городов Кампании и Великой Греции томилась в бездействии и предавались наслаждениям. Но латины, герники, сабины, эквы и вольски страстно любили войну; они жили вокруг Рима, оказывали ему отчаянное сопротивление и стали его учителями в упорстве.

Латинские города были колониями Альбы, основанными Латинцем Сильвием. Жители их имели общее происхождение и общие обряды с римлянами. Сервий Туллий побуждал их строить в Риме храм, который должен был стать центром объединения двух народов. После того как латины потерпели поражение в большой битве у озера Регилла, они принуждены были вступить в союз с римлянами и заключить с ними военный договор.

В течение непродолжительной тирании децемвиров с очевидностью обнаружилось, до какой степени величие Рима было связано с его свободой. Государство как будто потеряло душу, оживлявшую его.

В городе оставалось только два рода людей: одни терпели рабство, а другие в своих частных интересах стремились навязать его народу. Сенаторы удалились из Рима как из чужого города, и соседние народы не встречали никакого сопротивления.

После того как сенат нашел способ платить жалование солдатам, была предпринята осада Вей, длившаяся десять лет. Римляне стали более искусными, они нашли новый способ ведения войны, их успехи стали более блестящими, они лучше использовали свои победы, сделали более крупные завоевания, основали больше колоний, наконец, взятие Вей было своего рода революцией.

Но положение их не стало более легким. Правда, они нанесли жестокие удары тускам, эквам и вольскам; но из-за этого их союзники — латины и герники, — имевшие то же оружие, что и они, и введшие у себя ту же дисциплину, покинули их; туски образовали лиги, а самниты, наиболее воинственные из всех народов Италии, вступили с ними в ожесточенную войну.

После того как сенат стал выплачивать жалование солдатам, он перестал распределять между ними земли побежденных народов. Он возложил на последних другие обязанности: так, например, он обязал их выплачивать солдатам жалование в течение определенного времени, снабжать их хлебом и одеждой.

Взятие Рима галлами несколько не ослабило его сил: армия, скорее рассеянная, чем побежденная, удалась почти целиком в Вейи; народ спасся в соседних городах; пожар уничтожил только несколько пастушеских хижин.

ГЛАВА II О военном искусстве у римлян

Так как римляне предназначали себя к войне и считали ее единственным истинным искусством, то они сосредоточили весь свой ум и все свои мысли на том, чтобы усовершенствовать это искусство. Без сомнения, говорит Вегеций, некий бог внушил им устройство легиона.

Они считали, что нужно дать солдатам легиона более сильное и более тяжелое наступательное и оборонительное оружие, чем оружие любого другого народа.

Но так как на войне приходится делать много такого, на что не способен тяжело вооруженный солдат, то они включили в легион легкий отряд, который мог выходить из легиона, чтобы завязать битву, и отступать обратно, когда этого требовала необходимость. Легион имел еще кавалерию, стрелков и пращников, которые должны были преследовать бегущих и закреплять победу; он защищался всевозможными военными машинами, которые возил за собой; когда легион окапывался, то он представлял собой, как говорит Вегеций, нечто вроде укрепленного лагеря.

Римляне должны были особенно закалить себя, чтобы носить такое оружие, тяжести которого не мог выдержать обыкновенный человек. Они достигали этого благодаря непрерывному труду, укреплявшему организм, и благодаря упражнениям, развивавшим в них ловкость, которая есть не что иное, как правильное распределение своих сил.

Мы замечаем теперь, что наши армии теряют очень много людей вследствие того, что солдат заставляют слишком много работать; между тем римляне сохраняли свои войска именно благодаря усиленному труду. Я думаю, это объясняется тем, что они трудились непрерывно, в то время как наши солдаты от чрезмерного труда сразу переходят к полнейшему безделью: это и губит их больше всего.

Здесь я считаю нужным привести то, что наши авторы говорят о воспитании римских солдат. Их приучали ходить военным шагом, т. е. проходить в пять часов 20 миль, а иногда и 24.

Во время этих маршей их заставляли нести на себе тяжести, весившие 60 ливров. Их приучали бегать и прыгать в полном вооружении; во время этих упражнений они имели при себе мечи, дротики и стрелы, имевшие двойной вес по сравнению с обыкновенными; эти упражнения производились систематически.

Военной школой служил не только лагерь; в городе находилась площадь, где упражнялись граждане (Марсово поле). После военных занятий они бросались в Тибр, чтобы совершенствоваться в плавании и смывать с себя пыль и пот.

Мы теперь не имеем правильного представления о телесных упражнениях; мы пренебрежительно относимся к человеку, который слишком много занимается ими, потому что большинство этих упражнений не имеет другой цели, кроме развлечения. Но у древних все они, вплоть до танцев, составляли часть военного искусства.

У нас даже дошло до того, что слишком большая ловкость в употреблении того оружия, которым мы пользуемся на войне, стала казаться чем-то смешным; ибо, после того как вошли в обычай поединки, фехтование стало рассматриваться как наука забияк или трусов.

Те, кто критикует Гомера ⁴ за то, что он восхваляет в своих героях силу, ловкость или проворство, должны находить смешным и Саллюстия, который хвалит Помпея за то, что он состязался с другими в беге, прыганий и ношении тяжестей.

Всякий раз, когда римляне считали, что им угрожает опасность или хотели исправить какой-либо ущерб, они начинали укреплять военную дисциплину. Когда нужно было объявить войну латинам — народу, столь же воинственному, как они сами, — Манлий позаботился о повышении авторитета командования и подверг казни своего сына за то, что тот победил врага вопреки его приказу. После поражения римлян при Нуманции Сципион Эмилиан немедленно лишил солдат всего,

что приводило их к изнеженности. Когда римские легионы прошли под игом в Нумидии, Метелл исправил этот позор тем, что восстановил старую дисциплину. Чтобы победить кимвров и тевтонов, Марий ⁵ начал с того, что отвел течение рек; точно так же Сулла заставил солдат своей армии, утравившихся войны против Митридата, работать так много, что солдаты потребовали повести их в бой, суливший конец их мучениям.

Публий Мазика заставил своих солдат без всякой нужды строить флот; опасались праздности больше, чем врагов.

Авл Геллий неубедительно объясняет обычай римлян пускать кровь солдатам, совершившим какое-либо преступление. Истинная причина этого состояла в том, что поскольку сила составляла главное достоинство солдата, ослабить его значило унижить его.

Столь закаленные люди обыкновенно отличались хорошим здоровьем. Древние авторы не отмечают больших потерь от болезней в римских армиях, воевавших в странах с самыми различными климатами, между тем современные армии, ни разу не побывав в бою, можно сказать, тают в течение кампании.

У нас очень часты случаи дезертирства, ибо солдат набирают из самых подонков каждой нации; так что нет ни одной нации, которая имела бы известные преимущества перед другими в этом отношении или считала бы, что она их имеет. У римлян дезертирство происходило реже; солдаты, набравшиеся из среды столь надменного и гордого народа, столь уверенного в том, что он должен господствовать над другими, не могли унизиться до такой степени, чтобы желать перестать быть римлянами.

Так как армии римлян были немногочисленны, то их легко было снабжать продовольствием: командир мог лучше знать своих солдат и скорее замечать ошибки и нарушения военной дисциплины.

Закалка, приобретенная благодаря упражнениям, и прекрасные дороги, построенные

римлянами, делали их способными быстро совершать большие марши. Их внезапное появление приводило в ужас врагов; излюбленным приемом их было атаковать после того, как они потерпели поражение, когда их враги становились беспечными вследствие победы.

В наших современных сражениях отдельный воин полагается на толпу; но всякий римлянин, более сильный и закаленный в боях, чем его враг, рассчитывал всегда на самого себя; он имел природную храбрость, т. е. ту добродетель, которая состоит в сознании своих собственных сил.

Римские отряды были всегда в высшей степени дисциплинированы, поэтому даже в самом неудачном сражении редко случалось, чтобы они не сплотились на том или ином участке или чтобы не возникло расстройство в рядах врагов. Вот почему в их истории мы все время видим, что, если даже иной раз враги и одерживали верх над ними благодаря своему численному перевесу или боевому пылу, в последнем счете римляне все-таки всегда вырывали победу из рук неприятеля.

Они обращали главное внимание на исследование того, в чем неприятель мог превосходить их, и быстро наводили порядок в этой области. Они приучались видеть кровь и раны в гладиаторских играх, которые они переняли у этрусков.

Острые мечи галлов, слоны Пирра захватили их врасплох только в первый раз. Они усилили свою кавалерию сначала тем, что уничтожили поводыя, дабы ничто не могло противостоять их натиску; затем они присоединили к ней велитов. Когда они познакомились с испанским мечом, то отказались от своего. Они одержали верх над искусством лоцманов благодаря изобретению машины, описанной Полибием⁶. Наконец, как говорит Иосиф, во время войны они размышляли, во время мира упражнялись.

Если какая-либо нация имела в чем-либо преимущество перед ними по своей природе или благодаря своим учреждениям, то они вскоре перенимали его. Так, они сделали все, чтобы иметь нумидийских лошадей, критских лучников, балеарских пращников, родосские суда.

Наконец, ни одна нация не подготавливала войну так благоразумно и не вела ее так отважно.

ГЛАВА III Каким образом римляне смогли возвыситься

Так как теперь народы Европы имеют почти одинаковое военное искусство, то же оружие, ту же дисциплину, тот же способ ведения войны, то поразительная судьба Рима нам кажется непонятной. Далее, теперь имеется такая диспропорция между силами, что маленькому государству невозможно своими собственными силами выйти из того смиренного положения, в какое его поставило провидение.

Это требует размышления; без него мы будем наблюдать события, не понимая их. Если мы не поймем разницы между положением римлян и новых народов, то при чтении древней истории нам покажется, что перед нами люди какой-то другой породы.

Многолетний опыт доказал Европе, что государь, имеющий миллион подданных, не может содержать войско, превышающее 10 тысяч человек, не губя своего собственного государства, поэтому только великие нации могут иметь армию.

Но не так обстояло дело в древних республиках, ибо пропорция между количеством солдат и остального населения, которая теперь равняется одной сотой, тогда легко могла быть доведена до восьми сотых.

Основатели древних республик разделили землю между гражданами поровну; одного этого было достаточно, чтобы народ был могущественным, т. е. составлял благоустроенное общество; благодаря этому же он имел хорошую армию, ибо каждый был кровно заинтересован в том, чтобы защищать свое отечество.

Когда законы перестали строго соблюдаться, дела дошли до такого состояния, в каком они находятся сейчас у нас. Жадность одних и расточительность других привели к тому, что земли

перешли в руки немногих; вскоре появились ремесла, обслуживавшие взаимные нужды как богатых, так и бедных. В результате почти не осталось ни граждан, ни солдат, ибо участки земли, предназначавшиеся сначала для содержания солдат, теперь должны были кормить рабов и ремесленников, ставших орудиями роскоши новых владельцев. Но государство, которое должно существовать, несмотря на царящий в нем беспорядок, обречено на гибель, если в нем не будет солдат. До того как началась эта порча нравов, первоначальные доходы государства делились между солдатами, т. е. свободными земледельцами. Но, когда нравы в республике испортились, земли перешли тотчас к богачам, которые отдали их рабам и ремесленникам; известная часть их доходов в форме налогов употреблялась для содержания солдат.

Но эти люди совершенно не годились для ведения войны: они были трусливы и уже испорчены роскошью городов, а часто даже и самим своим искусством. Кроме того, так как по существу они не имели отечества и всюду могли употреблять свое искусство, им нечего было терять или сохранять.

Перепись Рима, произведенная через некоторое время после изгнания царей, и перепись Афин, произведенная Деметрием Фалернским, показали, что оба города имели почти одинаковое число жителей: Рим — 440 тысяч, а Афины — 431 тысячу. Но перепись Рима была произведена в то время, когда он находился в самом цветущем состоянии, перепись же Афин — тогда, когда город подвергся уже полной порче. Число взрослых граждан составляло в Риме четверть его населения, в Афинах же — менее одной двадцатой. Таким образом, могущество Рима относилось к могуществу Афин в эти разные эпохи приблизительно так, как одна четверть к одной двадцатой. Это значит, что Рим был в 5 раз сильнее, чем Афины.

В эпоху царей Агиса и Клеомена Спарта вместо 9 тысяч граждан, которых она имела в эпоху Ликурга⁷, насчитывала всего 700, причем не больше 100 из них владело землями, остальные составляли трусливую чернь. Эти цари возобновили старые законы, и Спарта восстановила свое первоначальное могущество и стала грозной для всех греков.

Равное распределение земель дало Риму возможность выйти из своего первоначального ничтожества, что стало особенно заметно, когда он подвергся порче.

Он был маленькой республикой, когда латины отказали ему в той военной помощи, которую они обязаны были предоставить ему; и все же город тотчас же выставил в поле десять легионов. «Вряд ли Рим, — говорил Тит Ливий⁸, — для которого теперь тесен стал весь мир, мог бы сделать то же самое, если бы неприятель внезапно появился перед его стенами: верный признак того, что мы вовсе не возвысились, но что мы только увеличили роскошь и богатства, которые расслабляют нас».

«Скажите мне, — обращался Тиберий Грах⁹ к знатным, — кто ценнее — гражданин или вечный раб, солдат или человек, неспособный к войне? Неужели вы согласны ради того, чтобы иметь на несколько десятин больше земли, чем все прочие граждане, отказаться от надежды покорить остальную часть мира или подвергнуться той угрозе, что те земли, которые вы отказываетесь дать нам, будут захвачены врагами?»

ГЛАВА IV

1. О галлах. — 2. О Пирре. — 3. Параллель между Карфагеном и Римом. — 4. Война против Ганнибала

Римляне много воевали с галлами. Оба народа отличались одинаковой любовью к славе, презрением к смерти, упорным стремлением к победе. Но оружие у них было различное: щит у галлов был маленький, а меч — плохой, поэтому римляне относились к ним приблизительно так, как в последние века испанцы относились к мексиканцам. Но удивительно, что те народы, которых римляне побеждали почти во всех странах и во все эпохи, допускали уничтожать себя

один за другим, даже не попытавшись узнать причину своих несчастий и предупредить ее.

Пирр начал войну с римлянами в ту эпоху, когда они были способны противостоять ему и учиться у него, на его победах; он научил их окапываться, выбирать место для лагеря и разбивать его, он приучил их к слонам и подготовил их к более серьезным войнам.

Величие Пирра состояло только в его личных достоинствах. Плутарх *^о говорит, что он принужден был вести македонскую войну, потому что у него не было средств содержать шесть тысяч пехотинцев и 500 коней. Этот государь, глава маленького государства, о котором после него больше ничего не было слышно, был авантюристом, непрестанно затевавшим различные предприятия, потому что он мог существовать только в качестве искателя приключений.

В союзном ему Таренте учреждения его лакедемонских предков уже сильно выродились. Он мог совершить великие дела и при помощи самнитов, но римляне их почти уничтожили.

Карфаген разбогател раньше Рима и пришел в упадок также раньше его; так, в то время как в Риме общественные должности предоставлялись только на основании добродетели и не приносили никакой другой выгоды, кроме почестей и предпочтения при исполнении обязанностей, в Карфагене все, что государство могло предоставить частным лицам, продавалось и всякая услуга, оказанная частными лицами, оплачивалась государством.

Тирания государя не столь губительна для государства, как равнодушие к общему благу в республике. Преимущество свободного государства состоит в том, что в нем доходы лучше распределяются; но что же сказать, если они распределяются хуже? Преимущество свободного государства состоит также в том, что в нем нет фаворитов; но если дело обстоит не так, если, вместо того чтобы обогащать друзей и родственников государя, приходится обогащать друзей и родственников всех тех, кто принимает участие в правительстве, тогда все погибло. Обход законов оказывается более опасным, чем нарушение их государем, который как первый гражданин государства всегда больше всех заинтересован в его сохранении.

Старинные нравы, бедность, почти вошедшая в обычай, уравнивали в Риме все состояния. Но в Карфагене частные лица обладали царскими богатствами.

Из двух партий, господствовавших в Карфагене, одна всегда хотела мира, другая — войны; в результате невозможно было ни наслаждаться миром, ни хорошо вести войну.

В то время как в Риме война объединяла все интересы, в Карфагене она их еще больше разделяла.

В монархиях раздоры легко прекращаются, потому что государь обладает принудительной властью, которая укрощает обе партии. В республиках они более длительны, потому что зло поражает обычно ту самую власть, которая могла бы его устранить.

В Риме, управлявшемся посредством законов, народ позволял, чтобы сенат руководил внешними делами. В Карфагене, управлявшемся посредством злоупотреблений, народ хотел все делать сам.

Карфаген, воевавший с бедностью Рима при помощи своего богатства, по этой самой причине находился в худшем положении: золото и серебро истощаются, но добродетель, постоянство, сила и бедность никогда не истощаются.

Римляне были честолюбивы вследствие своей гордости, карфагеняне же — вследствие своей жадности; одни хотели господствовать, другие же — приобретать; непрерывно подсчитывая издержки и прибыль, карфагеняне вели все время войну без любви к ней.

Проигранные сражения, уменьшение населения, упадок торговли, истощение государственной казны, возмущения соседних наций могли заставить Карфаген принять самые жестокие условия мира. Но Рим никогда не считался с выгодами и потерями, он думал только о своей славе. Он не представлял себе, что он может существовать, не господствуя, и поэтому никакие надежды или опасения не заставили бы его принять такой мир, в котором не он диктует

условия противнику.

Нет ничего могущественнее такой республики, где законы соблюдаются не вследствие страха или разумных соображений, по вследствие страстной привязанности к ним, как это было в Риме и Лакедемонe, ибо тогда к мудрости хорошего правительства присоединяется вся та сила страсти, которой может обладать партия.

Карфагеняне пользовались иностранными войсками, римляне употребляли свои собственные армии. Так как римляне всегда смотрели на побежденных как на средство для будущих триумфов, то они набирали солдат среди всех народов, которых они покорили; и чем больше труда им стоило победить тот или иной народ, тем более достойным они считали его к тому, чтобы включить его в свою республику. Так, мы видим, что самниты, которые были покорены лишь после 24 триумфов, стали поставлять вспомогательные войска Риму; а незадолго до второй пунической войны римляне и их союзники, жившие в стране, не превышавшей размерами папскую область или неаполитанское королевство, выставили против галлов армию, состоявшую из 700 тысяч пехотинцев и 70 тысяч всадников.

В разгар второй пунической войны Рим имел в полной боевой готовности от 22 до 24 легионов; но, по данным Тита Ливия, численность граждан Рима в то время составлял всего около 137 тысяч человек.

Карфаген употреблял большую часть своих сил для нападения, Рим — для защиты. Последний, как мы только что сказали, вооружил колоссальное количество людей против галлов и Ганнибала, которые нападали па него; но он посылал только два легиона против самых великих царей; это сделало его силы неистощимыми.

Положение Карфагена в Африке было менее прочное, чем Рима в Италии: последний был окружен 30 колониями, которые представляли собой как бы его передовые укрепления. До битвы при Каннах ни один союзник его не покинул: это произошло потому, что самниты и другие народы Италии уже привыкли к его владычеству.

Большинство городов Африки, будучи слабо укреплены, тотчас же сдавалось всякому, появлявшемуся перед их стенами. Все, кто там высаживался, — Агафокл, Регул, Сципион — тотчас же повергали Карфаген в отчаяние.

Можно считать, что только плохое правительство ответственно за все то, что произошло с карфагенянами во время войны, которую вел против них первый Сципион. Их город и даже их армия терпели голод, в то время как римляне имели все в изобилии.

У карфагенян армии, потерпевшие поражение, становились более своевольными; они иногда распинали на кресте своих генералов и наказывали их за свою собственную трусость. У римлян консул подвергал казни каждого десятого в армии, бежавшей перед неприятелем, и снова вел ее в бой.

Правление карфагенян было очень суровое; они так сильно притесняли народы Испании, что, когда туда пришли римляне, их встретили как освободителей. Если мы примем во внимание громадные суммы, которые карфагеняне затратили на ведение войны, окончившейся их поражением, то мы убедимся, что несправедливость мало берегает и что она не достигает даже тех целей, которые она себе ставит.

После того как была основана Александрия, торговля Карфагена значительно сократилась. В древнейшие времена суеверие, можно сказать, изгоняло иностранцев из Египта, так что, когда персы покорили его, они думали только о том, чтобы ослабить своих новых подданных. Но при греческих царях Египет завладел почти всей, торговлей мира, а торговля Карфагена начала приходить в упадок.

Государства, основанные благодаря торговле, могут существовать долго, если ведут себя скромно; но они существуют недолго, если становятся великими. Они возвышаются постепенно

и незаметно, ибо они не совершают ничего такого, что заставило бы говорить о них и показало бы их могущество. Но когда они становятся настолько сильными, что это уже невозможно более скрыть, все стремятся лишить их преимущества, которого они добились, так сказать, обманом. Карфагенская кавалерия была лучше римской по двум причинам: во-первых, нумидийские и испанские кони были лучше итальянских, во-вторых, римская кавалерия была плохо вооружена. Это видно из того, что, по словам Полибия, римляне изменили свой способ ведения войны только во время тех войн, которые они вели в Греции.

В первой пунической войне Регул был разбит, как только карфагеняне выбрали для битвы равнину, где могла сражаться их кавалерия; во второй пунической войне своими главными победами Ганнибал был обязан нумидийцам.

Сципион лишил карфагенян этого преимущества, когда он покорил Испанию и заключил союз с Масиниссой: как раз нумидийская кавалерия выиграла битву при Заме и закончила войну.

Карфагеняне были более опытны на море и лучше умели управлять кораблями, чем римляне. Но мне кажется, что это преимущество тогда не имело такого значения, какое оно имело бы теперь.

Древние, не имея компаса, могли плавать только у берегов, поэтому они пользовались только гребными судами, миленькими и плоскодонными; почти все рейды служили для них портами; лоцманское искусство было очень несовершенным, так что управление кораблями имело очень небольшое значение. Так, Аристотель¹ говорит, что нет нужды в особой профессии моряков, так как имеется достаточно земледельцев, которые могут их заменить.

Морское искусство было столь несовершенным, что при помощи тысячи весел добивались таких же результатов, как теперь при помощи ста.

Большие суда были неудобны в том отношении, что гребцы двигали их с трудом, в силу чего они не могли совершать необходимых поворотов. В битве при Акции Антоний сделал пагубный опыт: его большие суда не могли быстро поворачиваться, между тем как Август со своими более легкими судами напал на него со всех сторон.

Суда у древних народов были гребные. Более легкие суда без труда ломали весла более крупных, которые тогда становились неподвижными громадами, подобно тому как ими становятся наши суда, лишённые парусов.

После изобретения компаса морское дело изменилось: весла вышли из употребления, корабли стали удаляться от берегов, начали строить большие суда, их механизм стал более сложным, искусство управления кораблем—более совершенным.

Изобретение пороха привело к таким следствиям, о которых раньше и не подозревали: сила морских армий более чем когда-либо стала зависеть от морского искусства. Необходимо было построить большие корабли, которые могли бы выдерживать обстрелы из пушек и уклоняться бы от более сильного огня. Но по мере увеличения размера кораблей должно было совершенствоваться и морское искусство.

Маленькие суда древних внезапно сцеплялись друг с другом, и между солдатами завязывалось сражение; на кораблях помещали целую сухопутную армию: в морской битве, в которой победили Регул с его товарищами, 130 тысяч римлян сражались против 150 тысяч карфагенян. В то время солдаты играли главную роль, а матросы — второстепенную; теперь же солдаты ничего не значат или же значат очень мало, а матросы — много.

Победа консула Дуилия показала эту разницу. Римляне не имели никаких познаний в искусстве мореплавания. Когда у их берегов карфагенская галера села на мель, они воспользовались ею как моделью для того, чтобы построить новую. В три месяца они обучили матросов, построили флот, оснастили и вооружили его; он был спущен в море, встретился с

карфагенским флотом и разбил его.

Современному государю не хватило бы целой жизни для того, чтобы построить флот, способный сражаться против державы, которая уже господствует на море. Это, может быть, единственная область, где деньги оказываются бессильными. И если в наши дни одному великому государю это удалось, то опыт других доказал, что этим примером можно больше восхищаться, чем подражать ему.

Вторая пуническая война настолько известна, что ее знает каждый. Когда мы рассматриваем множество препятствий, которые встали перед Ганнибалом и были преодолены этим необыкновенным человеком, то мы видим самое прекрасное зрелище, которое нам доставила древность.

Рим проявил чудеса стойкости. После поражений при Тесине, Требии и Тразимене, после еще более рокового поражения при Каппах он не попросил мира, несмотря на то, что был покинут почти всеми народами Италии. Сенат неукоснительно соблюдал древние принципы; в войне с Ганнибалом он действовал так же, как когда-то в войне с Пирром, с которым он отказывался вести переговоры, пока тот находился в Италии. Я нахожу у Дионисия Галикарнасского¹², что при переговорах с Кориоланом сенат заявил, что он никогда не нарушит старинных обычаев, согласно которым римский народ не может заключать мира с неприятелем, находящимся на его земле; но если вольски отступят, тогда он удовлетворит все их справедливые требования.

Рим был спасен силою своего строя. После битвы при Каннах не позволили даже женщинам проливать слезы; сенат отказался выкупать пленных; жалкие остатки армии были посланы воевать в Сицилию; никому не выдавали вознаграждения и не воздавали никаких воинских почестей, пока Ганнибал не был изгнан из Италии.

С другой стороны, консул Теренций Варрон позорно бежал вплоть до Ветузии. Этот человек самого низкого происхождения был избран консулом только для того, чтобы оскорбить знать. Но сенат не захотел воспользоваться этим злосчастным триумфом; он видел, как важно ему было в данном случае завоевать доверие народа; он вышел навстречу Варрону и поблагодарил его за то, что тот не отчаялся в спасении республики.

Самыми губительными для государства являются обычно не действительные потери, понесенные в битве (т. е. несколько тысяч человек), но воображаемые потери и упадок боевого духа, лишаящий государство даже тех сил, которые оставила ему фортуна.

Есть такие вещи, которые все повторяют, потому что они уже были кем-то когда-то сказаны. Принято считать, что Ганнибал совершил большую ошибку, не осадив Рима после битвы при Каннах. Действительно, город был сначала охвачен сильным испугом; но уныние воинственного народа почти всегда обращается в мужество в отличие от уныния низменной черни, которая чувствует только свою слабость. Осада Рима кончилась бы неудачно для Ганнибала; доказательством этому служит то, что Рим оказался в состоянии послать повсюду подкрепления.

Говорят еще, что Ганнибал сделал большую ошибку, отведя свою армию в Капую, где она изнежилась; но при этом не доходят до настоящей причины. Разве солдаты этой армии, разбогатевшие после стольких побед, не нашли бы повсюду Капуи? Александр¹³, командовавший собственными подданными, в подобном же случае прибег к приему, которым не мог воспользоваться Ганнибал, имевший только наемные отряды: он велел поджечь обоз и таким образом уничтожил как богатства солдат, так и свои собственные. Говорят, что Кули Хан после победы над индийцами позволил солдатам взять только по 100 рупий денег.

Сами победы Ганнибала начали изменять судьбу этой войны. Он не был послан в Италию магистратами Карфагена; он получил очень мало подкреплений либо вследствие зависти со

стороны противной партии, либо вследствие слишком большого доверия со стороны другой. Пока он имел при себе всю свою армию, он разбивал римлян; но, когда ему пришлось оставлять гарнизоны в городах, защищать своих союзников, осаждать крепости или заставлять римлян снимать осаду с крепостей, его силы оказались недостаточными, и он мало-помалу потерял значительную часть своей армии. Одерживать победы легко, потому что их одерживают при помощи всех своих сил; но их трудно сохранять, потому что для этого приходится (употреблять только часть своих сил.

ГЛАВА V

О состоянии Греции, Македонии, Сирии и Египта после поражения Карфагена

Я думаю, что Ганнибал высказал очень мало остроумных изречений, в особенности благоприятных для Фабия или Марцелла и неблагоприятных для него самого. Мне жаль, когда я вижу, как Тит Ливий украшает титанов античности цветами; я бы предпочел, чтобы он поступал подобно Гомеру, который не заботится об украшении своих героев, но так хорошо заставляет их действовать.

Во всяком случае следовало бы, чтобы те речи, которые приписывают Ганнибалу, были разумными. Если бы, узнав о поражении своего брата, он действительно признался, что предвидит разрушение Карфагена, то это было бы лучшим средством, чтобы привести в отчаяние народы, доверившиеся ему, и лишить мужества армию, ожидавшую великих наград после окончания войны.

Так как все армии, которые карфагеняне выставили в Испании, Сицилии и Сардинии, терпели поражения, а враги их все время усиливались, то Ганнибал принужден был перейти к оборонительной войне. Это внушило римлянам мысль перенести войну в Африку, и Сципион высадился в Африке. Его успехи заставили карфагенян призвать обратно из Италии Ганнибала, который плакал от огорчения, уступая римлянам эту землю, где он одержал столько побед над ними.

Для спасения своего отечества Ганнибал сделал все, что может сделать великий государственный деятель и великий полководец. Не имея возможности принудить Сципиона к миру, он дал битву, где судьба как будто насмеялась над его ловкостью, опытностью и здравым смыслом.

Карфаген получил мир, который был продиктован не врагом, но господином. Он обязался выплачивать 10 тысяч талантов в течение 50 лет, выдать заложников, передать римлянам свои суда и своих слонов, не объявлять никому войны без согласия римского народа; желая окончательно унижить Карфаген, Рим увеличил могущество его наследственного врага — Масиниссы.

После покорения карфагенян Рим вел только малые войны и одерживал большие победы, в то время как раньше он имел малые победы и вел большие войны.

В эту эпоху существовали как бы два отдельных друг от друга мира. В одном сражались карфагеняне и римляне. Другой терзали раздоры, длившиеся после смерти Александра; там совершенно не думали о том, что делалось на Западе; ибо, хотя Филипп, царь Македонии, и заключил союз с Ганнибалом, договор этот не имел почти никаких последствий; этот государь, оказавший очень слабую поддержку карфагенянам, по отношению к римлянам обнаружил лишь бесполезное недоброжелательство.

Когда два великих народа ведут долгую и упорную войну, то часто оказывается плохим политиком тот, кто думает, что может при этом оставаться спокойным наблюдателем, ибо тот из двух народов, который оказывается победителем, предпринимает новые войны, и нация, состоящая из солдат, начинает сражаться против народов, которые состоят только из граждан.

Это обнаружилось очень ясно в ту эпоху: ибо, как только римляне покорили карфагенян,

они напали на другие народы и появились во всех странах с тем, чтобы все захватить.

На Востоке тогда существовали только четыре державы, способные сопротивляться римлянам: Греция, македонское царство, Сирия и Египет. Рассмотрим, каково было состояние этих двух первых держав, ибо римляне начали с того, что покорили их первыми.

В Греции тогда было три значительных народа: этолийцы, ахейцы и беотийцы; они составляли союзы свободных городов, имели общие собрания и общих начальников. Этолийцы были воинственны, смелы, дерзки, корыстолюбивы, они не держали ни своего слова, ни своих клятв, вели войны по всей земле, подобно тому как это делают пираты на море. Ахейцам все время докучали их соседи или неудобные защитники. Беохийцы, наиболее тупые из всех греков, меньше всех участвовали в общих делах. Руководствуясь исключительно чувством мгновенного блага или зла, они не имели достаточно ума для того, чтобы ораторы могли их легко возбуждать. Но наиболее (удивительным является то, что их республика сохранялась при самой анархии.

Лакедемон сохранял свое могущество, т. е. тот воинственный дух, который ему внушили учреждения Ликурга. Фессалийцы были в некотором смысле порабощены македонянами. Цари Иллирии были уже совершенно разбиты римлянами.

Акарнания и Лфамания опустошались то войсками Македонии, то Этолии. Афиняне, не имевшие' собственных сил и лишенные союзников, отныне удивляли мир только своей лестью царям. На ту трибуну, откуда говорил Демосфен ¹⁴, оратор поднимался только для того, чтобы предлагать самые позорные и самые бесславные декреты.

Впрочем, Греция была страшна благодаря своему положению, силе, множеству городов, количеству солдат, своему государственному строю, нравам, законам; она любила войну, знала военное искусство и была бы непобедимой, если бы была единой.

Она была сильно удивлена действиями Филиппа, Александра и Антипатра, но не была покорена; и цари Македонии, не отказывавшиеся от своих требований и от своих надежд, упорно старались поработить ее.

Македония была почти со всех сторон окружена неприступными горами; народы, жившие в ней, больше всех других годились к военной службе: они были храбры, послушны, трудолюбивы, неутомимы. Следует думать, что они обязаны этими качествами своему климату, ибо еще и теперь жители этих областей дают самых лучших солдат турецкой империи.

Греция сохраняла некоторый род равновесия: лакедемоняне бывали обычно союзниками этолийцев, а македоняне — ахейцев. Но прибытие римлян нарушило это равновесие.

Так как цари Македонии не могли содержать многочисленного войска, то малейшая неудача была для них очень чувствительной. Кроме того, им трудно было возвыситься, так как их намерения не оставались скрытыми: за каждым их шагом все время зорко наблюдали. Если они добивались успеха в войнах, предпринятых ради их союзников, то сами союзники считали этот успех злом, которое они стремились немедленно исправить.

Но обычно цари Македонии были искусными государями. Их монархия не принадлежала к числу тех, которые все время движутся по направлению, данному им сначала. Они постоянно учитывали опыт, вынесенный ими из военных опасностей и внешних дел, и вмешивались во все распри, волновавшие греков; им нужно было привлекать к себе знать городов, ослеплять народы своими успехами, разделять или объединять интересы; и, наконец, им постоянно приходилось рисковать своей жизнью.

Филипп, заслуживший в начале своего царствования умеренностью любовь и доверие греков, вдруг переменялся: он стал кровавым тираном в такое время, когда ему надо было быть справедливым по соображениям политики и честолюбия. Он видел хотя издали карфагенян и римлян, силы которых стали громадными; он окончил войну с выгодой для своих союзников—

ахейцев и примирился с этолийцами. Егму следовало бы подумать об объединении всей Греции под своим скипетром для того, чтобы помешать чужеземцам водвориться в ней. Но он возбудил ее против себя мелкими захватами; тратя время на защиту мелких интересов, когда встал вопрос о его существовании, он тремя или четырьмя плохими поступками возбудил против себя ненависть и отвращение всех греков.

Этолийцы были более всех раздражены против него. Римляне, воспользовавшись как поводом их желанием мести или, скорее, их безумием, заключив союз с ними, вступили в Грецию и вооружили ее против Филиппа.

Этот государь был побежден под Киноскефалами; этой победе отчасти содействовало мужество этолийцев. Филипп был до такой степени потрясен, что согласился на договор, который в меньшей степени давал ему мир, чем требовал от него отказа от собственных сил. Он вывел свои гарнизоны из всей Греции, выдал свои суда и обязался выплатить тысячу талантов в течение десяти лет.

Полибий с его обычным здравым смыслом сравнивает боевой строй римлян с боевым строем македонян, принятым всеми царями — преемниками Александра. Он показывает достоинства и недостатки фаланги и легиона и отдает преимущество боевому строю римлян; повидимому, он прав, если судить по событиям этой эпохи.

Ганнибал во второй пунической войне с самого начала вооружил своих солдат по римскому образцу, что в значительной степени содействовало тому, что положение римлян стало опасным. Но греки не переменили ни своего оружия, ни своего способа сражаться; они и не подумали отказаться от обычаев, которые принесли им великие победы.

Успех, достигнутый римлянами в войне против Филиппа, был самым крупным шагом по направлению к завоеванию всего Востока. Чтобы утвердиться в Греции, они всеми способами унижали этолийцев, которые помогли им победить; более того, они распорядились, чтобы каждый греческий город, который принадлежал Филиппу или какому-либо другому государю, впредь управлялся по собственным законам.

Мы ясно видим, что эти мелкие республики не могли сохранить свою свободу. Греки предали себя глупой радости и поверили, что они на самом деле свободны, потому что Рим объявил их свободными.

Этолийцы, которые воображали, что они будут господствовать над Грецией, заметив, что навязали себе владык, впали в отчаяние; и так как они всегда принимали крайние решения, то, желая исправить одно безумие другим, они призвали в Грецию Антиоха, царя Сирии, подобно тому как в свое время призвали римлян.

Цари Сирии были самыми могущественными из преемников Александра, ибо они владели почти всеми областями Дария, за исключением Египта; но за это время произошли события, которые в значительной степени ослабили их могущество.

Селевк, основавший империю Сирии, к концу своей жизни покорил царство Лизимаха. Несколько провинций возмутилось во время этого замешательства; образовались царства Пергама, Каппадокии и Вифинии. Но эти маленькие робкие государства считали всегда счастьем для себя унижение своих прежних владык.

Так как цари Сирии взирали всегда с завистью на благополучие египетского царства, то они только и думали, как бы его покорить. Это привело к тому, что, пренебрегая Востоком, они потеряли там много провинций и им очень плохо повиновались в других.

Наконец, цари Сирии владели верхней и нижней Азией. Но опыт показал, что когда столица и главные силы расположены в нижних провинциях Азии, то нельзя сохранить верхние; если же центр империи находится в верхних провинциях, то у государства нет сил удержать нижние провинции. Персидская и сирийская империи никогда не были так сильны, как

парфянская, которая охватывала только часть провинций двух первых империй. Если бы Кир не победил лидийского царства, а Селевк остался в Вавилоне, отказавшись от приморских провинций в пользу преемников Антигона, то персидская империя была бы непобедима для греков, а империя Селевка — для римлян. Чтобы укротить честолюбие людей, природа поставила известные границы государствам: когда их переходили римляне, парфяне почти всегда уничтожали их; когда же парфяне осмелились их перейти, то они вскоре принуждены были возвратиться; и в наше время турки, перейдя за эти пределы, принуждены были отступить назад.

Цари Сирии и Египта имели в своих странах подданных двоякого рода: победившие народы и побежденные народы. Первыми народами, еще гордившимися своим происхождением, было очень трудно управлять. У них не было духа независимости, побуждающего сбросить иго, но у них было нетерпение, заставляющее желать переменить господина.

Но главной слабостью сирийского царства был двор, ибо там царствовали преемники Дария, а не Александра. В нем все время господствовали роскошь, тщеславие и изнеженность, которые никогда не покидали дворов Азии; зло перешло на народ и на солдат и стало заражать и самих римлян, так что время войны против Антиоха стало настоящей эпохой их испорченности.

Таково было положение сирийского царства, когда Антиох, совершивший великие подвиги, начал войну против римлян; но он не проявил даже того благоразумия, какое требуется в обычных делах. Ганнибал советовал для возобновления войны в Италии привлечь Филиппа или обеспечить себе его нейтралитет. Антиох не послушался его советов; он появился в Греции с малою частью своих сил; он целиком предался своим наслаждениям, как будто желал наблюдать войну, а не вести ее. Будучи разбит, он убежал в Азию, более испуганный, чем побежденный.

В этой войне Филипп, увлеченный римлянами, как потоком, служил им всеми своими силами и стал инструментом их побед. Его склонили к этому жажда мстить Этолии и опустошить ее, обещание, данное ему, уменьшить дань, которую он выплачивал» и оставить ему несколько городов, зависть, которую он испытывал к Антиоху, и, наконец, разные мелкие мотивы. Не осмеливаясь думать о свержении ярма, он думал лишь о том, чтобы смягчить его суровость,

Антиох так плохо оценивал положение, что вообразил, будто римляне оставят его в покое в Азии; но они последовали за ним. Он был еще раз побежден и в своем смятении согласился на самый позорный договор, который великий государь когда-либо заключал.

Я не знаю ничего более великодушного, чем решение, принятое монархом, царствовавшим в наше время; он соглашался скорее погибнуть под развалинами трона, чем принять такие предложения, которые несовместимы с царским достоинством. Он имел слишком гордую душу, чтобы опуститься ниже того положения, в которое его поставили его несчастья; он хорошо понимал, что корону может укрепить мужество, но не бесчестный поступок.

Мы часто видим государей, которые умеют давать сражения; но очень мало таких государей, которые умеют вести войну, которые одинаково хорошо умеют использовать фортуна и выжидать ее милостей, которые сомневаются до начала предприятия, но уже ничего не боятся, начав его.

После укрощения Антиоха оставались только мелкие державы, если не считать Египта, который мог быть грозным благодаря своему положению, плодородию почвы, торговле, числу своих жителей, своим морским и сухопутным силам. Но жестокость его царей, их трусость, жадность, слабоумие, ужасное сладострастие сделали их столь ненавистными их подданным, что они большей частью удерживались на троне лишь благодаря покровительству римлян.

В известном смысле можно считать основным законом Египта, что сестры наследовали

престол вместе с братьями; а для того чтобы обеспечить единство правления, брат обыкновенно вступал в брак с сестрой. По трудно представить себе нечто более опасное в политическом отношении, чем подобный порядок престолонаследия, ибо все мелкие домашние ссоры превращались в раздоры внутри государства. Тот из двух, кто питал малейшую обиду против другого, 'вскоре подымал мятеж среди населения Александрии, многочисленной черни, всегда готовой пристать к тому из царей, который желал ее возмутить. Мало того, киренское и кипрское царства обычно находились в руках других государей той же династии, имевших такие же права. Поэтому почти все время имелись царствующие государи и претенденты на престол, и положение этих царей на троне всегда было неустойчивым. Цари, чувствуя' себя непрочно внутри страны, не имели никакой силы вне государства.

Сила египетских царей, как и других азиатских царей, заключалась в их вспомогательных греческих войсках. Греки были проникнуты духом свободы, чести и славы; кроме того, они непрерывно занимались всякого рода телесными упражнениями: в их главных городах были установлены игры, где победители получали венки на глазах у всей Греции; это возбуждало всеобщее соревнование. Но поскольку в ту эпоху сражались оружием, где успех зависит от силы и ловкости пользующегося им, то нет сомнения, что люди, занимавшиеся такими упражнениями, имели громадное преимущество над варварскими толпами, которых набирали огулом и вели в бой без разбора, как это хорошо видно на армиях Дария.

Чтобы отнять у царей такое войско и без шума лишить их главных сил, римляне сделали следующее: во-первых, они постепенно'заставили греческие города принять за правило, что без согласия римлян они не могут заключать никакого союза, не могут оказывать помощь или объявлять войну кому бы то ни было; во-вторых, заключая договоры с царями, они им запрещали производить наборы среди союзников римлян; таким образом, цари должны были удовольствоваться своими национальными войсками.

ГЛАВА VI Какого поведения придерживались римляне, чтобы покорить все народы

При стольких удачах, которые обыкновенно приводят к небрежности, сенат действовал все с той же основательностью; в то время как войска поражали врагов, он держал в повиновении уже разбитые народы.

Он присвоил себе роль трибунала, который судил все народы; по окончании каждой войны он выносил постановления о наказаниях и наградах, которые каждый заслужил. Он отнимал часть земли у побежденного народа с тем, чтобы отдавать ее союзникам. При этом он достигал двух целей: он заставлял теснее примыкать к Риму тех царей, которые не сну-шали ему особых опасений и от которых он мог многого ожидать; он ослаблял других, от которых он не мог ожидать никакой помощи и которых он должен был сильно опасаться.

Союзниками пользовались, чтобы вести войну с неприятелем; но тотчас же после победы в свою очередь расправлялись с ними. Филипп был побежден при помощи этолийцев, которые вслед за тем были сами уничтожены за то, что присоединились к Антиоху. Антиох был побежден при поддержке родосцев; но, после того как им дали блестящие награды, они были уничтожены навсегда под тем предлогом, что они потребовали заключения мира с Персеем.

Когда римляне имели против себя нескольких противников, они заключали перемирие с более слабым, который считал себя счастливым, получив его, и рассчитывал на некоторое время отсрочить свою гибель.

Когда они вели большую войну, сенат терпеливо выносил всякого рода оскорбления, молчаливо ожидая случая, когда он сможет наказать обидчика. Когда какой-либо парод выдавал ему виновных, он отказывался их наказывать, предпочитая объявлять всю нацию_ виновной и сохраняя для себя возможность полезного мщения.

Хотя римляне причиняли своим врагам громадные бедствия, все же против них не

составлялись лиги, ибо тот, кто находился дальше всех от опасности, не хотел приблизить ее.

Таким образом, им редко объявляли войну, но они всегда ее объявляли в наиболее подходящее время, наиболее выгодным для себя способом тому народу, с которым им было наиболее удобно сражаться. Среди народов, на которых они па-падали, было очень мало таких, которые не выносили бы от них всякого рода оскорблений, лишь бы их оставили в покое.

Так как они «мели обычай говорить всегда в тоне владык, то послы, которых они посылали к народам, которые еще не почувствовали их могущества, обычно встречали плохой прием. Это служило римлянам верным поводом к тому, чтобы объявлять войну.

Так как они никогда не заключали мира искренно и стремились все захватить, то их договоры, собственно говоря, являлись только перерывами в войне. Они включали в них условия, служившие всегда зародышем гибели государства, которое их принимало: они заставляли выводить гарнизоны п;:

крепостей или ограничивали число сухопутных войск, или требовали выдачи им лошадей и слонов. Если же народ был сильным на море, то они его обязывали сжечь свои корабли, а иногда требовали его выселения из прежнего места вглубь страны.

После того как они уничтожали войска какого-либо государя, они истощали его финансы чрезмерными налогами или данями, которые они взимали под тем предлогом, что он должен оплатить военные расходы; новый род тирании, который заставлял его притеснять своих подданных и терять их любовь.

Когда они заключали мир с каким-либо государем, то брали в качестве заложников кого-либо из его братьев или сыновей. Это давало им возможность по своей прихоти возбуждать смуты в его государстве. Имея в своих руках ближайшего наследника престола, они стращали им сидящего на троне. Если же у них был более далекий родственник царя, то им пользовались для того, чтобы возбуждать мятежи среди народов.

Если какой-либо князь или народ отказывался повиноваться своему государю, то они тотчас же давали возмущившемуся титул союзника римского народа, благодаря чему он становился священным и неприкосновенным. Таким образом, не было ни одного царя, даже самого великого, который мог бы быть всегда спокоен насчет своих подданных или даже насчет своей семьи.

Несмотря на то, что титул союзника был известным родом рабства, за ним очень гнались, ибо получивший его мог быть уверен, что он будет получать оскорбления только от римлян, и мог надеяться, что эти оскорбления будут не очень значительными. Таким образом, ради того чтобы получить этот титул, народы и цари готовы были оказывать любые услуги и совершать любые низости.

Римляне имели союзников нескольких родов. Одних они делали своими союзниками, даруя им привилегии и уделяя им часть своих выгод, как это было с латинами и герниками. Другие, например колонии, считались их союзниками с самого момента своего основания. С некоторыми они заключали союзы ввиду услуг, оказанных последними, — так было с Масиниссой, Эвменом и Агталом, которые получили от римлян свое государство или обязаны были им своим возвышением. С иными они заключали добровольные договоры, но когда союз длился долго, то союзники постепенно переходили в разряд подданных, как это было с царями Египта, Вифинии и Каппадокии и с большей частью греческих городов. Многим, наконец, они навязывали силой договоры, принуждая их к сдаче, как это было с Филиппом и Антиохом. Ибо они никогда

не заключали мирного договора с врагом, который не соглашался стать их союзником, а это значит, что каждый покоренный ими народ служил орудием к дальнейшим завоеваниям римлян.

Когда они предоставляли некоторым городам пользоваться свободой, то вскоре по их

наущению там возникали раздоры между гражданами: одни защищали законы и свободу своей страны, другие же считали, что единственным законом является воля римлян; и так как последние всегда были гораздо сильнее, то само собой понятно, что подобная свобода существовала только по имени.

Иногда они становились владыками страны под тем предлогом, что получили ее в наследство. Они вступили в Азию, Вифинию и Ливию на основании завещаний Аттала, Никомеда и Аппиона; Египет был подчинен на основании завещания царя Кирены.

Чтобы не дать крупным государям возможности (усилиться, они не позволяли им вступать в союзы с теми государствами, которые были союзниками римлян, а так как они никогда не отказывались заключить союз с любым соседом могущественного государя, то это условие, включавшееся в мирный договор, лишало этого государя всяких союзников.

Кроме того, когда они побеждали какого-либо крупного государя, то заключали с ним мир на условии, что он не будет иметь права разрешать посредством войны свои споры с союзниками римлян (т. е. обыкновенно со всеми своими соседями). Он обязан был признавать римлян в качестве третейского судьи: это отнимало у него возможность воспользоваться в будущем своими военными силами.

Чтобы сохранить за собой исключительное право объявления войны, они лишили этого права даже своих союзников. Как только между последними возникало какое-либо разногласие, они отправляли своих послов, которые заставляли их заключить мир. Стоит только вспомнить, как они прекратили войну между Атталом и Прусием.

Когда какой-либо государь одерживал победу, которая часто истощала его, тотчас же являлся римский посол, который похищал эту победу из его рук. Среди тысячи примеров можно напомнить случай, когда римляне одним лишь словом изгнали Антиоха из Египта ¹⁵.

Зная, в какой степени народы Европы пригодны для войны, они приняли закон, согласно которому ни один царь не имеет права вторгаться в Европу и подчинять себе какой-либо европейский народ. Объявляя войну Митридату, они выставили в качестве главной причины то, что он нарушил это запрещение, покорив некоторые варварские народы Европы.

Если они видели, что два народа ведут между собой войну, причем они не состояли ни с одним из них ни в дружеских, ни во враждебных отношениях, то все же не пропускали случая появиться на сцену и, подобно нашим странствующим рыцарям, всегда принимали сторону более слабого. Как говорит Дионисий Галикарнасский, римляне издавна соблюдали обычай всегда оказывать помощь тому, кто умолял ид об этом.

Не следует думать, что римляне придерживались этих обычаев только в отдельных случаях; они были основаны на постоянных принципах. Это можно легко доказать, ибо по отношению к самым великим державам они придерживались точно тех же правил, какими они руководствовались в начале своей истории по отношению к малым городам, окружавшим их.

Они воспользовались Эвменом и Масиниссой для покорения Филиппа и Антиоха, подобно тому как раньше воспользовались латинами и герниками для покорения вольсков и тусков; они заставили Карфаген и царей Азии выдать им их флоты, подобно тому как прежде лишили Антий его плоскодонных кораблей; они уничтожили политический и гражданский союз между четырьмя частями Македонии, подобно тому как они когда-то расторгли союз между малыми латинскими городами.

Они всегда придерживались правила разделять силы народов. Ахейская республика состояла из союза свободных городов; сенат объявил, что отныне каждый город будет управляться по своим собственным законам и не будет зависеть от общей власти.

Беотийская республика точно так же представляла собой лигу многих городов. Но так как в войне Рима против Персея одни города поддерживали этого государя, а другие — римлян, то

они простили последних, благодаря чему был расторгнут общий союз.

Если бы великий государь, царствовавший в наше время, руководствовался этими правилами тогда, когда государь соседней страны был свергнут с трона, то он употребил бы все свои силы, чтобы поддержать его и ограничить его власть тем островом, который оставался ему верным; разделив единственную державу, которая могла сопротивляться его намерениям, он извлек бы громадную выгоду даже из несчастья своего союзника ¹⁶.

Когда в каком-либо государстве возникали раздоры, римляне немедленно брали на себя роль судей. Благодаря этому они получали уверенность в том, что против них будет выступать только та сторона, которую они осудили. Если претенденты па престол имели общих предков, то они иногда объявляли обоих царями; если же один из них был малолетним, то они решали дело в его пользу и брали на себя его опеку в качестве защитников всего мира. Дошло до того, что цари и пароды стали их подданными, не зная даже точно, на каком юридическом основании; ибо римляне считали, что достаточно было какому-либо народу услышать о них, чтобы тем самым он стал их подданным.

Они никогда не вели войн с отдельными народами, не обеспечив себя предварительно вблизи врага каким-либо союзником, который мог бы посылать им вспомогательные отряды; и так как армия, которую они посылали, никогда не была многочисленной, то они всегда держали вторую армию в провинции, расположенной ближе всего к врагу, и третью — в Риме, которая всегда была готова выступить в поход. Таким образом, они рисковали лишь весьма незначительной частью своих сил, в то время как их противник ставил на карту все свои силы.

Иногда они злоупотребляли тонкостью терминов своего языка. Они разрушили Карфаген, ссылаясь на то, что они обещали сохранить государство, но не город. Известно, как были обмануты этолийцы, положившиеся на верность римлян. Римляне заявили, что слова «положиться на верность врага» обозначают потерю всех вещей, людей, земель, городов, храмов и даже гробниц.

Они произвольно толковали даже договоры. Так, когда римляне захотели унижить родосцев, то сказали, что данную родосцам Л и кию следует рассматривать не как дар, но как дружественную, союзную Риму страну.

Когда какой-либо из римских генералов заключал мирный договор для спасения своей армии от неминуемой гибели, сенат, никогда не соглашавшийся ратифицировать этот договор, пользовался этим миром для продолжения войны. Так, когда Юлурта запер римскую армию и затем отпустил ее, положившись на договор, то в борьбе против него использовались те самые войска, которые он пощадил. Когда нумантинцы принудили 20 тысяч римлян, умиравших с голоду, попросить мира, то мирный договор, спасший столько граждан, был расторгнут в Риме, а от ответственности перед общественным мнением уклонились тем, что послали к нумантинцам консула, подписавшего договор.

Иногда они заключали мирный договор с государем на справедливых условиях, и когда он выполнял их, они прибавляли такие условия, что ему приходилось снова начинать войну. Так, когда они заставили Югурту выдать им своих слонов, своих лошадей, свои сокровища, бывших у него перебежчиков, они потребовали, чтобы он выдал себя самого; но это составляет самое ужасное несчастье для государя и не может быть выставлено в качестве условия заключения мира.

Они, наконец, судили царей за их частные преступления и ошибки. Они выслушивали жалобы тех, кто вступал в спор с Филиппом; отправляли послов для охраны безопасности его противников; выслушивали обвинения Персея в том, что он убил нескольких граждан союзных с Римом городов и вступил в споры с другими.

Так как о славе генерала судили по количеству золота и серебра, которое он приносил при

своим триумфом, то побежденному врагу ничего не оставляли. Рим все время обогащался, и каждая война давала ему возможность начать новую.

Все народы, бывшие их друзьями или союзниками, разорялись вследствие громадных подарков, которые они приносили римлянам, чтобы сохранить их расположение или сделать еще более благосклонными к себе. Половины тех денег, которые посылали римлянам с этой целью, было бы достаточно, чтобы победить их.

Как владыки вселенной, они присваивали себе все ее сокровища; они грабили более справедливо как завоеватели, чем как законодатели. Узнав, что Птолемей, царь Кипра, обладает несметными богатствами, они по предложению одного трибуна приняли закон, согласно которому объявили себя наследниками еще живого человека и конфисковали имущество союзного государя.

Корыстолюбие отдельных граждан разграбило все то, что ускользнуло от алчности государства. Судьи и правители продавали свое правосудие царям. Спорящие стороны разоряли себя наперебой, чтобы купить всегда сомнительное благоволение судьи против соперника, который еще не окончательно истощил себя, ибо здесь не соблюдалась даже справедливость разбойников, которые при совершении своих преступлений соблюдают известную добросовестность. Наконец, государи, зная, что их законные или узурпированные прерогативы могут быть подтверждены только посредством подкупа, для того чтобы получить деньги, грабили храмы и подвергали конфискации имущества самых богатых граждан; они совершали тысячи преступлений для того, чтобы отдать римлянам все сокровища мира.

Но больше всего выгоды Рим извлекал из того уважения, которое он внушал всем народам. Вскоре он заставил замолчать царей и как бы ошеломил их. Вопрос уже не ставился о степени их власти, ибо сама их личность подвергалась опасности: объявить войну это значило подвергнуться риску плена, смерти или позора при триумфе. Таким образом, цари, жившие в неге и роскоши, не осмеливались смотреть прямо в глаза римскому народу; потеряли мужество, они надеялись терпением и низостью оттянуть наступление тех несчастий, которые им угрожали.

Обратите внимание на поведение римлян. После поражения Антиоха они стали владыками Азии, Африки и Греции, почти не заняв городов. Казалось, они побеждали только ради того, чтобы отдавать. Но они оставались владыками настолько, что, объявляя войну какому-либо государю, они, так сказать, обрушивали на него тяжесть всей вселенной.

Еще не наступило время овладеть всеми завоеванными странами. Если бы они сохранили за собой города, взятые у Филиппа, то открыли бы глаза грекам. Если бы после второй пунической войны или войны против Антиоха они захватили земли в Африке или в Азии, то они не могли бы сохранить их за собой, ибо победа еще не была окончательно упрочена.

Перед тем как начать повелевать нациями как подданными, следовало подождать, пока они привыкнут повиноваться как свободные и как союзники и постепенно растворятся в римской республике.

Посмотрите на договор, который они заключили с латинами после победы у озера Регилда; он был одним из главных фундаментов их могущества; в нем нет ни одного слова, которое дало бы повод заподозрить их в стремлении к власти.

Они завоевывали постепенно. Когда побеждали какой-либо народ, то удовлетворялись тем, что ослабляли его; ставили ему такие условия, которые незаметно подтачивали его; если он поправлялся, его еще больше унижали: он становился подданным, причем нельзя было указать точно, в какой момент это произошло.

Таким образом, Рим, собственно говоря, не был ни монархией, ни республикой, но головой тела, состоявшего из всех народов мира.

Если бы испанцы после завоевания Мексики и Перу следовали такому же плану, им не нужно было бы все разрушать для того, чтобы все сохранить.

Безумие победителей состоит в том, что они желают навязать всем народам свои законы и свои обычаи. Это ни к чему не служит, ибо люди способны повиноваться при всяком роде правления.

Но Рим не предписывал никаких общих законов, поэтому народы не имели между собой никаких опасных связей; они составляли одно тело только в смысле общего повиновения; не будучи соотечественниками, они все были римлянами.

На это можно возразить, что империи, основанные на феодальных законах, никогда не были ни прочными, ни сильными. Но нет ничего столь противоположного друг другу, как строй римского государства и варварских государств. Говоря кратко, можно сказать, что первый был основан на силе, второй — на слабости; в одном случае существовало чрезмерное подчинение, в другом — чрезмерная независимость. В государствах, завоеванных германскими нациями, власть находилась в руках вассалов и только право — в руках государя; в Риме все обстояло наоборот.

ГЛАВА VII Почему Митридат мог сопротивляться римлянам?

Из всех царей, на которых нападали римляне, один Митридат защищался мужественно и поставил их в опасное положение.

Его владения были выгодно расположены в военном отношении. Они находились по соседству с недоступным Кавказом, полным воинственных племен, которых можно было использовать для ведения войны; отсюда его владения распространялись на Черное море, на котором плавали многочисленные корабли Митридата. Он все время покупал новые армии у скифов; Азия была открыта для его нашествий; он был богат, потому что его города на Черном море вели выгодную торговлю с менее промышленными народами.

Проскрипции, которые вошли в обычай в эту эпоху, принудили многих римлян покинуть свое отечество. Митридат, приняв их с распростертыми объятиями, распределил их между легионами, сформированными им; эти легионы стали лучшими в его армии.

С другой стороны, Рим, терзаемый гражданскими раздорами, занятый непосредственно угрожающими ему несчастьями, отнесся пренебрежительно к азиатским делам: он позволил Митридату распространять свои победы и поправляться после поражений.

Большинство царей погибало именно потому, что они слишком явно обнаруживали свое желание заключить мир. Этим они лишали все другие народы желания разделять с ними опасности, которых они сами так сильно стремились избежать. Но Митридат с самого начала показал всему миру, что он является врагом римлян и останется им навсегда.

Наконец, города Греции и Азии, увидев, что иго римлян становится с каждым днем все тяжелее, возложили свои надежды на этого варварского царя, который призывал их к свободе.

Такое положение дел привело к трем великим войнам, образующим одну из самых прекрасных страниц римской истории, ибо мы здесь видим не государей, уже побежденных наслаждениями и гордостью, как Антиох и Тигран, или страхом, как Филипп, Персей и Югурта, но великодушного царя, который в своих несчастьях, подобно льву, видящему свои раны, еще более свирепеет.

Эти войны носят своеобразный характер, потому что все время сопровождаются неожиданными переворотами, ибо, хотя Митридат мог легко возмещать свои потери, однако при неблагоприятном положении дел, когда полководец больше всего нуждается в послушных и дисциплинированных солдатах, его варварские отряды покидали его. Если он обладал искусством возбуждать народы и подымать мятежи в городах, то ему в свою очередь изменяли его полководцы, его дети и жены. И, наконец, если, с одной стороны, он имел дело с

неспособными римскими генералами, то, с другой стороны, против него посылали в разное время Суллу, Лукулла и Помпея.

Этот государь после того, как он разбил римских генералов и покорил Азию, Македонию и Грецию, был в свою очередь побежден Суллой, заставившим его по мирному договору ограничиться своими прежними владениями. Утомленный римскими генералами, став еще раз их победителем и покорителем Азии, изгнанный Лукуллом, преследуемый в своей собственной стране, он принужден был скрываться у Тигра па. Видя себя побежденным и оставшимся после своего поражения без всяких ресурсов, рассчитывая только на самого себя, он нашел убежище в своих собственных владениях и там восстановил свои силы.

За Лукуллом последовал Помпей, и Митридат был побежден; он убегает из своих владений, переправляется через Араке, проходит по земле лазов, подвергаясь многочисленным опасностям; набирая на своем пути войска у варваров, он появляется у Босфора перед своим сыном Махаром, заключившим мир с римлянами.

Находясь в отчаянном положении, Митридат составляет план, согласно которому он должен был перенести войну в Италию и пойти походом на Рим с теми же самыми племенами, которые покорили римлян несколько веков спустя, и по тому же самому пути, по которому эти племена потом пошли.

Преданный Фарнаком, своим другим сыном, и армией, устрешенной грандиозностью предприятий Митридата и опасностями, связанными с ними, Митридат умирает по-царски.

Тогда Помпей своими быстрыми победами завершил великолепное и величественное здание Рима. Он присоединил к своей империи бесчисленные страны, но это больше (увеличило блеск Римской империи, чем ее действительное могущество. Хотя на таблицах, которые несли при его триумфе, было написано, что он увеличил доходы казны более чем на треть, силы государства не увеличились, а свобода народа оказалась в более угрожаемом положении, чем когда бы то ни было раньше.

ГЛАВА VIII

О раздорах, разделявших все время город

В то время как Рим покорял вселенную, в его собственных стенах происходила скрытая война. Этот пламень был подобен огню вулкана, который выбрасывается тотчас же, как только какая-либо материя увеличивает в нем брожение.

После изгнания царей правление стало аристократическим: все магистратуры и все должности занимали только патрицианские фамилии, следовательно, они получали также все военные и гражданские почести.

Патриции, желая помешать возвращению царей, стремились увеличить возбуждение в народе. Но они сделали больше, чем желали сами: внушив народу ненависть к царям, они внушили ему безграничное стремление к свободе. Когда царская власть перешла целиком к консулам, народ почувствовал, что не обладает той свободой, столь сильную любовь к которой желали ему внушить; поэтому он старался ослабить консулат, назначать плебейских магистратов и занимать курульные должности наравне со знатными. Патриции принуждены были уступить всем его требованиям, ибо в городе, где бедность считали общественной добродетелью и презирали богатство — тайный путь к приобретению власти, — рождение и знатность не обладали значительными преимуществами. Власть должна была перейти к большинству народа, и аристократическое государство постепенно превратилось в демократическое.

Те, кто повинуется царю, меньше терзаются завистью и ревностью, чем те, кто живет при режиме наследственной аристократии. Государь так далек от своих подданных, что они его почти не видят; он так сильно возвышается над ними, что они не могут себе представить такое

отношение между ними, которое оскорбляло бы их. Но знатные, которые управляют, находятся на глазах у всех; они не настолько возвышаются над остальными гражданами, чтобы последние не делали все время неприятных сравнений. Поэтому народ во все времена, да и теперь, ненавидит сенаторов. Республики, где рождение не дает никаких прав на участие в правительстве, в этом отношении самые счастливые, ибо народ меньше завидует власти, которую он дает кому хочет и отнимает по своей прихоти.

Народ, недовольный патрициями, удалился на Священную гору. К нему направили послов, успокоивших его. Но так как все обязались взаимно помогать друг другу в том случае, если патриции нарушат данное ими слово, — что всегда вызывало волнения и мешало магистратам правильно исполнять свои обязанности, — то предпочли создать новую магистратуру, которая помешала бы совершать несправедливости по отношению к плебеям. Но вследствие исконной человеческой слабости плебеи, которые получили трибунов для своей защиты, воспользовались ими для нападения; они понемногу лишили патрициев всех их прерогатив. Это привело к непрерывным раздорам. Народ поддерживали или, скорее, возбуждали трибуны, патрициев же защищал сенат, почти весь составленный из патрициев, более склонный соблюдать старинные правила и опасавшийся, как бы чернь не сделала какого-либо трибуна тираном.

Народ пользовался своими собственными средствами, а именно: своим численным преобладанием на выборах, отказом отправляться на войну, угрозами удалиться на Священную гору, односторонними народными постановлениями и, наконец, обвинениями против тех, которые слишком упорно ему сопротивлялись. Сенат оборонялся своей мудростью, своей справедливостью и любовью, которую он внушал к отечеству, своими благодеяниями и мудрым распределением сокровищ республики, уважением, которое народ питал к славе первых семейств и к добродетели великих людей, религией, старинными учреждениями, отменой дней собраний под тем предлогом, что ауспиции неблагоприятны, клиентами, противопоставлением одного трибуна другому, назначением диктатора, объявлением новой войны и общими несчастьями, объединявшими интересы всех. Сенат отстаивал себя еще и тем, что проявлял отеческую снисходительность к народу, соглашаясь удовлетворить часть его требований с тем, чтобы он отказался от остальных, и всегда придерживался того правила, что надо предпочесть сохранение республики прерогативам какого-либо сословия или какой-либо магистратуры.

С течением времени, когда плебеи настолько ослабили патрициев, что это различие потеряло всякое значение, когда и те, и другие стали равно получать почести, возникли новые раздоры между простым пародом, волнуемым своими трибунами, и главными патрицианскими и плебейскими семействами, которых стали называть знатью и из которых был составлен сенат, отстаивавший их интересы. Но за это время исчезли старинные простые нравы, а частные лица приобрели огромные богатства; по так как богатство не может не доставлять власти, то новые знатные сопротивлялись гораздо сильнее, чем прежние патриции. Это послужило причиной смерти Гракхов и многих из тех, кто хотел воплотить их намерения в жизнь.

Теперь я перехожу к той магистратуре, которая сильно содействовала укреплению власти правительства, а именно — к цензуре. Цензоры занимались переписью народа; кроме того, так как сила республики состояла в дисциплине, строгости нравов и постоянном соблюдении известных обычаев, они исправляли те злоупотребления, которые не были предусмотрены законом или за которые другие магистраты не могли карать. Бывают плохие примеры, которые хуже преступлений; больше государств погибло от того, что оскорбляли нравы, чем от того, что нарушали законы. Цензоры запрещали вводить опасные новшества, которые могли бы изменить настроение духа или ума гражданина и прервать цепь непрерывной традиции, они улаживали домашние и общественные беспорядки. Они могли исключить из сената кого им угодно, отнять у всадника коня, содержавшегося за счет государства, переместить гражданина в другую трибу

или даже зачислить его в такую, члены которой вносили денежные подати в пользу города, но были лишены привилегий, которыми обладали остальные граждане.

М. Ливий заклеил даже народ: из 35 триб он зачислил 34 в разряд тех, члены которых были лишены привилегий, которыми обладали граждане города. «Ибо, — говорил он, — после того как вы меня осудили, вы меня же назначили консулом и цензором. Следовательно, или вы поступили противозаконно один раз, наложив на меня кару, или два раза, назначив меня сперва консулом, а потом цензором».

М. Дуроний, народный трибун, был исключен цензорами из сената за то, что во время своей магистратуры он отменил закон, ограничивавший расходы на празднества.

Цензура была очень мудрым учреждением. Цензоры не могли лишить кого-либо магистратуры, потому что это внесло бы расстройство в выполнение государственных функций, но они могли снизить гражданина в его звании и ранге, лишив его, таким образом, той знатности, которая, так сказать, принадлежала ему лично.

Сервий Туллий произвел знаменитое деление граждан по центуриям, которое так хорошо объяснили Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский. Он разделил 193 центурии на шесть классов и зачислил весь простой народ в последнюю центурию, которая одна составляла шестой класс. Мы видим, что такое распределение отнимало у простого народа право голоса хотя не юридически, но фактически. Впоследствии было установлено, что, за исключением отдельных случаев, голосование должно производиться соответственно делению по трибам.

Было 35 триб, из которых каждая обладала одним голосом: 4 трибы городских, а 31 — сельская. Главные граждане, т. е. землевладельцы, естественно, входили в сельские трибы; простой же народ входил исключительно в городские трибы и имел очень мало влияния на государственные дела; именно это рассматривалось как спасение республики. Когда Фабий зачислил в 4 городские трибы простой народ, который Аппий Клавдий — распределил по всем трибам, то он получил прозвище Величайшего. Цензоры каждые пять лет проверяли положение республики в данный момент и распределяли народ по различным трибам таким образом, чтобы трибуны и честолюбцы не могли предопределить исход голосований и чтобы сам народ не мог злоупотреблять своей властью.

Рим имел прекрасное правительство, поскольку он с самого начала имел такое устройство, что или дух народа, или сила сената, или авторитет известных магистратов могли всегда исправить всякое злоупотребление властью.

Карфаген погиб потому, что не мог терпеть, чтобы сам Ганнибал исправлял злоупотребления. Афины пали потому, что жителям города их заблуждения казались столь приятными, что они не хотели исцелиться от них. В паше время итальянские республики, которые кичатся устойчивостью своих правительств, должны кичиться только долговечностью их злоупотреблений; они имеют не больше свободы, чем Рим при децемвирах.

Мудрость английского правительства заключается в том, что в нем есть учреждение, которое все время проверяет правительство и в то же время проверяет самого себя; поэтому ошибки правительства никогда не бывают длительными и часто даже становятся полезными, благодаря тому что они обращают на себя внимание нации.

Одним словом, свободное государство, т. е. постоянно волнуемое борьбой партий, может сохранять себя только в том случае, если оно способно исправлять свои ошибки благодаря своим собственным законам.

ГЛАВА IX Две причины гибели Рима

Республика могла легко существовать, пока владычество Рима ограничивалось Италией. Всякий солдат был одновременно гражданином; каждый — консул набирал армию; под командованием следующего консула другие граждане отправлялись па войну. Число отрядов не

было слишком велико; старались принимать в армию только тех граждан, которые обладали достаточным имуществом для того, чтобы быть заинтересованными в сохранении города. И, наконец, сенат внимательно наблюдал за поведением генералов, так что у них не могла возникнуть даже и мысль поступить вопреки своему долгу.

Но когда легионы перешли через Альпы и переправились через море, то солдаты, которых на время нескольких кампаний пришлось оставить в покоренных странах, мало-помалу потеряли добродетели, свойственные гражданину; генералы, распорядившиеся армиями и царствами, почувствовали свою силу и перестали повиноваться.

Солдаты начали признавать только своего генерала, возлагать на него все свои надежды и меньше любить свое отечество. Они уже не были больше солдатами республики, а солдатами Суллы, Марии, Помпея, Цезаря¹⁷. Рим не мог больше знать, является ли командующий армией в провинции его генералом или же его врагом.

Пока народ в Риме совращался лишь трибунами, которым он мог поручить только такую власть, какой обладал он сам, сенат мог легко защищаться, потому что он действовал последовательно, а чернь все время переходила от крайнего неистовства к крайней слабости. Но когда любимцы народа получили колоссальную власть за пределами страны, вся мудрость сената стала бесполезной и республика погибла.

Причина того, что свободные государства менее долговечны, чем другие, состоит в том, что как их несчастья, так и их удачи почти всегда приводят к потере ими свободы. Но удачи и несчастья государства, где народ подчинен, одинаково закрепляют его рабство. Мудрая республика не должна отваживаться на такие предприятия, исход которых зависит от превратностей судьбы. Единственное благо, к которому она должна стремиться, — это устойчивость государств.

Величие города погубило республику не в меньшей степени, чем величие империи.

Рим покорил всю вселенную при помощи народов Италии, которых он в разное время наделил различными привилегиями. Большая часть народов сначала мало заботилась о получении права римского гражданства; некоторые даже предпочитали сохранить свои старые обычаи. Но когда это право стало признаком господства над вселенной, когда человек, не бывший римским гражданином, был ничем, а получавший это звание становился всем, народы Италии решили или погибнуть, или стать римскими гражданами. Не сумев добиться своей цели домогательствами и просьбами, они взялись за оружие; жители всей той страны, которая обращена к Ионическому морю, подняли восстание. Другие союзники готовы были присоединиться к ним. Рим, вынужденный сражаться против тех, кто, так сказать, был его руками, посредством которых он сковывал вселенную, стоял на краю гибели. Ему угрожала участь ограничиться пределами своих стен. Он согласился дать это столь желанное право тем союзникам, которые еще оставались ему верными. Мало-помалу он дал его всем.

С тех пор Рим перестал быть городом, где народ был воодушевлен тем же духом, той же любовью к свободе, той же ненавистью к тирании, где борьба за власть против сената и стремление лишить знать ее прерогатив были смешаны с уважением и являлись не чем иным, как только любовью к равенству. Когда народы Италии стали гражданами Рима, каждый город, сохраняя свои характерные черты, стал отстаивать свои частные интересы, обнаруживать свою зависимость от какого-либо сильного покровителя. Город, граждане которого были рассеяны по всей Италии, не составлял больше единого целого. Так как человек становился римским гражданином посредством своеобразной юридической фикции, но на самом деле магистраты, стены, боги, храмы, гробницы не были общими, то на Рим перестали смотреть прежними глазами, не испытывали больше прежней любви к отечеству, и привязанность к Риму исчезла.

Честолюбцы приводили в Рим население других городов и целых племен, чтобы

производить беспорядки во время выборов или повлиять на их исход в свою пользу; собрания приняли характер настоящих заговоров; «комициями» называли шайку, состоящую из нескольких мятежников; авторитет народа, его законы стали воображаемыми вещами, перестали считаться и с самим народом; анархия достигла такой степени, что нельзя было больше узнать, принял ли народ какое-либо постановление или же нет.

Авторы, пишущие о Риме, все время говорят о раздорах, погубивших его. Но при этом они не замечают, что эти раздоры были необходимы, что они существовали всегда и должны были существовать всегда. Единственное зло заключалось в обширности республики, вследствие чего народные беспорядки превратились в гражданские войны. В Риме неизбежно должны были существовать раздоры; его воины, столь гордые, смелые и грозные для врагов, не могли быть очень смиренными дома. Требовать, чтобы свободное государство состояло из людей, отважных на войне и робких во время мира, это значит желать невозможного. Можно установить общее правило, что всякий раз, когда мы замечаем, что в государстве, называющем себя республикой, все спокойно, то можно быть уверенным, что в нем нет свободы.

То, что называют в политическом организме союзом, является весьма двусмысленной вещью. Настоящий союз — это гармонический союз, который заставляет содействовать благу всего общества все части, какими бы противоположными они нам ни казались, подобно тому как диссонансы в музыке содействуют общему аккорду. В государстве, которое производит впечатление беспорядка, может существовать союз, т. е. гармония, из которой проистекает благополучие, составляющее истинный мир. В нем дело обстоит так же, как с частями вселенной, вечно связанными друг с другом посредством действия одних частей и противодействия других.

Но под согласием азиатского деспотизма, т. е. всякого правительства, которое не носит умеренного характера, всегда скрывается настоящий раздор. Земледелец, воин, купец, чиновник, дворянин объединены между собою только тем, что одни притесняют других, не встречая с их стороны сопротивления. И если здесь видят союз, соединение, то это объединение не граждан, а мертвых тел, похороненных рядом друг с другом.

Правда, в дальнейшем римские законы стали бессильны для управления республикой; но всегда наблюдается такое явление, что законы, которые сделали маленькую республику большой, становятся для нее неудобны, когда она увеличивается, потому что их естественное действие состоит в том, чтобы создать великий народ, но не в том, чтобы управлять им.

Имеется большое различие между законами хорошими и целесообразными, между теми, которые делают народ владыкой других народов, и теми, которые поддерживают приобретенное им могущество.

В наше время существует республика, которую почти никто не знает, но которая в тишине и молчании с каждым днем увеличивает свои силы. Нет сомнения, что, если она когда-нибудь достигнет того величия, которое предназначено ей ее мудростью, она неизбежно изменит свои законы; и это не будет делом законодателя, но следствием самой ее испорченности.

Рим был создан для того, чтобы возвыситься, и для этой цели его законы были превосходны. Так, какую бы форму правления Рим ни имел, монархическую, аристократическую или демократическую, он никогда не отказывался совершать великие предприятия, которые требовали целенаправленной деятельности, в чем он и успевал. Он не один раз, а всегда поступал умнее других государств, он во все времена держался одинаково превосходно, был ли он малым, средним или великим государством; не было такой удачи, из которой он не извлек бы выгоды, и такого несчастья, которое не послужило бы ему на пользу.

Он потерял свою свободу потому, что слишком рано завершил свое творение.

Об испорченности римлян

Я думаю, что школа Эпикура ¹⁸, распространившаяся в Риме к концу республики, сильно содействовала тому, чтобы испортить сердце и дух римлян. Греки пристрастились к этой школе до них и раньше испортились. Полибий говорит нам, что в его время никто не доверял греку, дававшему клятву; но римлянин считал себя, так сказать, связанным ею.

Есть одно письмо Цицерона ¹⁹ к Аттику, которое показывает нам, насколько римляне изменились в этом отношении со времени Полибия.

«Меммий, — говорит он, — только что сообщил сенату о соглашении, которое он и его соперник заключили с консулами. Согласно ему последние обязались содействовать их стараниям получить консульское звание на следующий год; они же, со своей стороны, обязались уплатить консулам 400 тысяч сестерций в том случае, если не доставят им трех авгуров, которые заявят, что они присутствовали при том, как народ принимал куриатский закон, хотя этого совсем не было, и двух консуляров, которые подтвердят, что они присутствовали при подписании сенатского постановления, регулирующего положение их провинций, хотя этого вовсе не было». Сколько бесчестных людей в одном контракте!

Независимо от того, что религия является лучшей опорой нравственности, особенностью римлян было то, что у них любовь к отечеству носила религиозный оттенок. Этот город, основанный при наилучших ауспигиях, Ромул, их царь и бог, этот Капитолий, вечный, как город, и город, вечный, как его основатель, произвели когда-то на души римлян такое впечатление, которое желательно было бы сохранить навсегда.

Величие государства доставило громадные сокровища частным лицам. Но так как довольство заключается в добрых нравах, а не в великолепии, то колоссальные богатства римлян привели к неслыханной роскоши и расточительству. Те, которые сначала стали испорченными из-за своих богатств, потом стали испорченными вследствие своей бедности. Трудно быть хорошим гражданином, имея очень большое богатство; [разорившиеся крупные богачи, привыкшие к роскошной жизни и сожалеющие о потере своего состояния, были готовы на все преступления; как говорит Саллюстий, появилось поколение людей, которые сами не могли иметь состояние, но не могли терпеть, чтобы им обладали другие.

Однако, какова бы ни была испорченность Рима, она не сопровождалась всеми бедствиями, которые она обыкновенно влечет за собой. Сила его строя была такова, что Рим сохранил героическую доблесть и всю свою боеспособность среди богатств, изнеженности и сладострастия. Я думаю, к этому не была способна никакая другая нация.

Римские граждане считали торговлю и ремесла рабскими занятиями; они ими совсем не занимались. Исключение составляли лишь некоторые вольноотпущенники, которые продолжали заниматься своим прежним делом. Но вообще римляне знали только военное искусство, которое служило единственным средством для получения магистратских званий и почестей. Таким образом, военные добродетели остались у них и после того, как они утратили все остальные.

ГЛАВА XI 1. О Сулле. — 2. О Помпее и Цезаре

Я прошу разрешить мне не останавливаться на ужасах, имевших место во время войн Мария с Суллой; потрясающий рассказ о них мы найдем у Аппиана ²⁰. Не только оба вождя испытывали чувства зависти и честолюбия и производили жестокие расправы над своими противниками, все римляне находились в состоянии бешенства; новые граждане и старые не считали больше друг друга членами единой республики; они вели войну, которая носила своеобразный характер, будучи одновременно гражданской и внешней.

Сулла издал законы, которые могли бы уничтожить причину беспорядков, волновавших город. Они повысили авторитет сената, ограничили власть народа, регулировали власть

трибунов. Прихоть, побудившая его отказаться от диктатуры, как бы вернула жизнь республике; но, упоенный своими успехами, он совершил такие действия, которые лишили Рим возможности сохранить свою свободу.

Он уничтожил всякую военную дисциплину во время своих азиатских походов; он приучил свою армию к грабёжам, развил в ней такие потребности, которых она раньше не имела; он окончательно развратил солдат, которые в дальнейшем должны были развратить полководцев.

Он ввел вооруженную армию в Рим и научил римских генералов нарушать убежище свободы.

Он роздал земли гражданам солдатам и развил в них ненасытную алчность, ибо начиная с этого момента не было ни одного воина, который не ожидал бы случая, чтобы овладеть имуществом своих сограждан.

Он придумал проскрипции и оценил головы всех тех, которые не принадлежали к его партии. С тех пор ни один гражданин не мог служить республике, ибо между двумя честолюбцами, оспаривавшими друг у друга победу, те, которые сохраняли нейтралитет и принадлежали к партии свободы, могли быть уверены, что любой из двух соперников, оставшись победителем, внесет их в проскрипционные списки. Поэтому было благоразумно примкнуть к одному из двух.

После Суллы, говорит Цицерон, появился человек, который защищал преступное дело и одержал еще более позорную победу; он конфисковал не только достояния частных лиц, но навлек это бедствие на целые провинции.

Сулла, отрекаясь от диктатуры, как бы желал этим показать, что хочет жить только под покровительством данных им самим законов. Но этот поступок, обнаруживавший такую умеренность, сам явился следствием его насилий. Он наделил земельными участками 47 легионов в разных областях Италии. Эти люди, говорит Аппиан, считая свое имущество связанным с его жизнью, заботились о его безопасности и были всегда готовы прийти к нему на помощь или отомстить за его смерть.

Республика неизбежно должна была погибнуть; вопрос был только в том, кто ее низвергнет и каким образом.

Два одинаково честолюбивых человека, отличавшиеся лишь тем, что один не стремился к своей цели так прямо, как другой, затмили всех остальных граждан своим влиянием, своими подвигами, своими выдающимися качествами: Помпей выступил первым, Цезарь — непосредственно вслед за ним.

Помпей, чтобы привлечь к себе расположение народа, отменил законы Суллы, ограничивавшие власть народа. Так как он принес в жертву своему честолюбию самые полезные законы своего отечества, то получил все, чего желал: народ проявил по отношению к нему безграничное легкомыслие.

Законы Рима разумно распределили государственную власть между большим количеством магистратур, которые поддерживали, останавливали и ограничивали друг друга. Так как магистраты имели только ограниченную власть, то любой гражданин мог добиться любой должности. Народ, видя, как разные лица исполняют ту же самую должность, не привыкал ни к одному из них. Но в эту эпоху система республики изменилась; наиболее влиятельные граждане добились того, что народ стал давать им чрезвычайные поручения. Это уничтожило власть народа и магистратов и дало возможность одному или нескольким лицам сосредоточить в своих руках все важнейшие дела.

Нужно было объявить войну Серторию — ее ведение поручали Помпею. Следовало объявить ее Митридату — все требовали Помпея. Требовалось доставить зерно в Рим — народ считал себя погибшим, если это дело не поручат Помпею. Желали ли истребить пиратов? Нет

никого, кроме Помпея. И когда Цезарь угрожает захватить Италию, сенат в свою очередь призывает Помпея и возлагает на него все свои надежды.

«Я думаю, — обращался Марк к народу, — что Помпеи, которого ожидают знатные, предпочтет укрепить вашу свободу, чем их господство. Но было время, когда каждый из вас находился под покровительством многих, а не все под покровительством одного, когда считалось неслыханным, чтобы один смертный мог давать или отнимать что-либо подобное».

Рим, созданный для того, чтобы возвыситься, должен был объединить в одних и тех же лицах почести и власть; в смутное время это давало возможность сосредоточить в одном гражданине управление народом.

Когда дают почести, то точно знают, что это значит; но когда к ним присоединяется также и власть, то нельзя сказать, каких размеров она может достигнуть.

Когда одному гражданину оказывают в республике исключительное предпочтение, то это неизбежно приводит к следующему результату: или возбуждает в народе зависть к нему, или же безмерную любовь.

Помпеи, возвращаясь в Рим, дважды имел возможность уничтожить республику; но он проявил умеренность, распустил свои войска, прежде чем вступить в город, и появился в нем в качестве простого гражданина. Эти действия, увенчавшие его славой, привели к тому, что какой бы противозаконный акт он ни совершил, сенат всегда становился на его сторону.

Честолюбие Помпея было не столь стремительным, как у Цезаря: оно носило более спокойный характер. Цезарь, подобно Сулле, хотел овладеть верховной властью с оружием в руках. Помпею не нравился такой способ действия; он хотел получить диктатуру, но с согласия народа; он не соглашался насильственно захватить власть, но хотел, чтобы ему ее вручили.

Благосклонность народа не отличается постоянством; поэтому наступило время, когда влияние Помпея стало падать. Его особенно задевало то, что люди, которых он презирал, увеличили свое влияние и стали пользоваться им в ущерб ему.

Это заставило Помпея совершить три одинаково роковые ошибки. Он развратил народ при помощи денег и подкупал каждого гражданина за определенную сумму во время выборов.

Кроме того, он пользовался самой презренной чернью, чтобы мешать магистратам исполнять свои обязанности. Он надеялся, что благоразумные люди, устав от анархии, с отчаяния сделают его диктатором.

Наконец, он соединил свои интересы с интересами Цезаря и Красса. Катон говорил, что республику погубила не их вражда, но их союз. Действительно, Рим находился в таком злосчастном положении, что гражданские войны его удручали меньше, чем мир, который, объединяя намерения и интересы вождей государства, приводил к тирании.

Помпеи не помогал своим авторитетом Цезарю; но, сам не зная того, он пожертвовал им ради Цезаря. Цезарь тотчас же употребил против него не только те силы, которые он ему предоставил, но и его ухищрения. Он возмущал город посредством своих тайных агентов и получил решающее влияние на исход выборов: консулы, преторы, трибуны покупались за ту цену, какую они сами себе назначали.

Сенат, видевший ясно намерения Цезаря, обратился за помощью к Помпею. Он умолял его взять на себя защиту республики, если еще можно было называть этим именем форму правления, которая нуждается в покровительстве одного из своих сограждан,

Я думаю, Помпея погубил стыд, который он испытывал при мысли о том, что, возвышая Цезаря, он обнаружил недостаточную прозорливость. Он долго не мог привыкнуть к этой мысли; он не принимал мер для своей защиты, чтобы не сознаться в том, что поставил себя в опасное положение; он уверял сенат, что Цезарь не посмеет объявить войну; и, так как он говорил это столько раз, то он стал повторять это всегда.

Повидимому, одно обстоятельство дало возможность Цезарю решиться на все. Оно состояло в том, что вследствие злополучного созвучия имен, поручив ему управление Цизальпинской Галлией, к ней присоединили и Трансальпийскую Галлию.

Политические соображения не позволяли, чтобы вблизи Рима находились армии: но они же требовали и того, чтобы Италия не оставалась без войск. Это привело к тому, что держали значительные силы в Цизальпинской Галлии, т. е, в стране, расположенной по ту сторону Рубикона — маленькой речки в Романии — и простирающейся до Альп. Но для того чтобы обезопасить Рим от этих отрядов, было издано знаменитое сенатское постановление, которое можно видеть еще и теперь высеченным на камне, находящемся на пути из Рима в Цезену. Оно посвящает подземным богам и объявляет святотатцем и изменником родины каждого, кто перейдет через Рубикон с армией, легионом или даже с когортой.

К этой провинции, управление которой давало возможность угрожать городу, присоединили Другую, еще более важную, а именно — Трансальпийскую Галлию, в которую входила южная часть Франции. Она предоставляла Цезарю удобные поводы в течение нескольких лет объявлять войну тем народам, которым он захочет, благодаря чему его солдаты стали его ветеранами, сердца которых он покорил не в меньшей степени, чем земли варваров. Если бы Цезарь не получил управления Трансальпийской Галлией, он не развратил бы своих солдат и не доставил бы своему имени того почтения, какое он заслужил столькими победами. Если бы он не получил управления Цизальпинской Галлией, Помпеи мог бы преградить ему проход через Альпы. Вместо этого последний принужден был в самом начале войны покинуть Италию. Это погубило репутацию его партии, составляющую главную силу в гражданских войнах.

Цезарь, переправившись через Рубикон, привел Рим в такой же ужас, какой этот город испытал некогда после победы Ганнибала при Каннах. Помпеи, растерявшийся в первые же моменты войны, принял решение, к какому прибегают только в безнадежном положении: он не нашел ничего лучшего, как уступить и убежать. Он выступил из Рима, оставив государственное казначейство; у него не было никаких способов задержать победителя; он оставил часть своих войск, всю Италию и переправился через море.

Много говорят о счастье Цезаря; но этот необыкновенный человек обладал такими великими достоинствами, не имея ни одного недостатка, при многих пороках, что всегда оставался бы победителем, какой бы армией ни командовал, и управлял бы любой республикой, в какой бы он ни родился.

Цезарь, нанеся поражение наместникам Помпея в Испании, отправился в Грецию, чтобы встретиться с самим Помпеем. Армия Цезаря, находившаяся в тяжелом положении и терпевшая голод, могла быть уничтожена Помпеем, господствовавшим над берегом моря и имевшим гораздо более значительные силы. Но главной слабостью Помпея было то, что он желал получать одобрение, поэтому он прислушивался к пустым разговорам окружавших его людей, которые все время издевались над ним и обвиняли его. «Он хочет, — говорил один, — стать бессменным главнокомандующим, быть, подобно Агамемнону, царем царей». «Я объявляю вам, — говорил другой, — что в этом году мы не будем есть тускуланских фиг». Некоторые частные успехи, одержанные Помпеем, окончательно вскружили голову этой сенаторской шайке. Таким образом, желая избежать упреков, Помпеи предпринял такой шаг, за который его всегда будет упрекать потомство: он пожертвовал всеми своими преимуществами, чтобы отправиться с новыми войсками сражаться против армии, увенчанной столькими победами.

Остатки войск, разбитых при Фарсале, отступили в Африку. Сципион, командовавший ими, не пожелал следовать советам Катона, рекомендовавшего ему затягивать войну. Возгордившись несколькими победами, одержанными им, он рискнул всем и погубил все. Когда Брут и Кассий

восстановили положение, то такая же опрометчивость с их стороны погубила республику в третий раз.

Можно заметить, что при этих продолжительных гражданских войнах внешнее могущество Рима все время возрастало. При Марии, Сулле, Помпее, Цезаре, Антонии и Августе Рим, становясь все более грозным, закончил уничтожение всех царей, которые еще оставались.

Ни одно государство не представляет такой сильной угрозы для остальных, как то, которое испытало ужасы гражданской войны. Все его граждане — знатные, горожане, ремесленники, крестьяне — становятся солдатами. Когда после установления мира их силы объединяются, это государство обладает великими преимуществами по сравнению с теми, которые имеют только граждан. Далее, гражданские войны часто способствуют появлению великих людей, ибо в этой общей смуте выдвигаются те, кто имеет заслуги, и соответственно этому они занимают место и получают должность. Но в мирное время дело обстоит почти всегда наоборот: каждый получает свою должность по воле других. Оставим римлян и возьмем примеры из нового времени. Французы никогда не были более грозны для других народов, как после раздоров бургонского и орлеанского домов, после смут при лиге, после гражданских войн при малолетстве Людовика XIII и Людовика XIV. Англия никогда не пользовалась таким уважением, как при Кромвеле, после войн, происходивших при долгом парламенте. Немцы получили преобладание над турками только после германских гражданских войн. Испанцы при Филиппе V, вскоре после гражданских войн за наследство, обнаружили в Сицилии такую силу, которая изумила Европу. А теперь Персия возрождается из пепла после гражданской войны и побеждает Турцию.

Республика была, наконец, уничтожена; в этом исходе не следует обвинять честолюбие отдельных лиц, по человека вообще, который тем более стремится к власти, чем больше он ее имеет, и который, обладая многим, желает обладать всем.

Если бы Цезарь и Помпеи мыслили, как Катон, то другие мыслили бы, как Цезарь и Помпеи, республика, обреченная на гибель, была бы увлечена в пропасть другими людьми.

Цезарь простил всем своим противникам; но мне кажется, что не заслуживает больших похвал умеренность, которую проявляют, захватив все.

Что бы ни говорили о стремительности Цезаря после битвы при Фарсале, Цицерон справедливо обвиняет его в медлительности. Он пишет Кассию, что сенаторская партия никогда бы не поверила, что помпеянцы так быстро восстановят свое положение в Испании и Африке, и что если бы она могла предвидеть, что Цезарь будет терять время в александрийской войне, то никогда не заключила бы с ним мира, но удалилась бы вместе с Катоном и Сципионом в Африку.

Безумная любовь заставила Цезаря вести четыре войны; в двух последних он поставил под вопрос все плоды своей победы при Фарсале.

Цезарь управлял сначала под титулом магистрата, ибо титулы больше всего задевают людей. Подобно тому как народы Азии питают отвращение к званиям консула и проконсула, так народы Европы ненавидят звание царя; так что в те времена эти имена составляли счастье народов или приводили их в отчаяние. Цезарь не отвергал попыток его приверженцев надеть ему на голову диадему; но, увидев, что народ прекратил свои рукоплескания, он отказался от короны. Он предпринял еще и другие попытки; я не понимаю, как он мог подумать, что римляне, терпя тирана, полюбили вследствие этого тиранию или сочли, что сделанное ими они сделали по своей воле.

Однажды сенат декретировал ему известные почести, но он не поднялся с места. С тех пор наиболее значительные сенаторы стали терять терпение.

Люди больше всего оскорбляются тогда, когда нарушают их обычаи и церемонии. Попробуйте их угнетать — это иногда является доказательством (уважения к ним; но

нарушение их обычаев служит всегда признаком презрения к людям.

Цезарь, бывший всегда врагом сената, не мог скрыть своего презрения к этому учреждению, которое, потеряв власть, приняло почти смешной характер. Таким образом, даже кротость Цезаря стала оскорбительной; считали, что он не прощал, но не удостоивал наказывать.

Он довел свое презрение к сенату до такой степени, что сам составлял сенатские постановления; он подписывал их именами первых пришедших ему на ум сенаторов. «Я узнаю, — пишет Цицерон, — что в Сирию и Армению доставлено сенатское постановление, принятое, как говорят, по моему предложению раньше, чем вообще было сделано какое-либо упоминание об этом. От царей далеких окраин мне уже доставляли письма, в которых они благодарят меня за то, что я в высказанном мною мнении назвал их царями, а я не знал не только того, что они названы царями, но даже того, что они вообще родились».

Из писем некоторых выдающихся людей этой эпохи, вошедших в издание писем Цицерона, потому что большая часть их составлена им, можно видеть, в какое уныние и отчаяние повергла первых людей республики эта внезапная революция, которая лишила их почестей и оставила не у дел. Из этих писем видно лучше, чем из рассказов историков, что, когда сенат перестал выполнять свои функции, сановники потеряли то уважение, которым пользовались во всем мире, и стали возлагать все свои надежды на одно лицо. Эти письма с великолепной наивностью передают настроение людей, объединенных общей скорбью, и того века, где притворная вежливость не распространила повсюду привычки ко лжи. В них в отличие от авторов современных писем люди не желают обманывать друг друга; несчастные друзья говорят друг другу все, что лежит у них на сердце.

Цезарю было очень трудно защитить свою жизнь, ибо большинство заговорщиков принадлежало к его партии или было осыпано им благодеяниями. Этот заговор был составлен по вполне естественной причине. Заговорщики получили большие преимущества благодаря победам Цезаря; но чем лучше становилось их положение, тем сильнее они чувствовали общее бедствие, ибо для человека, который ничего не имеет, с известной точки зрения довольно безразлично, какое правительство он имеет.

Кроме того, существовал некоторый род международного права, мнение, установленное во всех республиках Греции и Италии, согласно которому убийца человека, захватившего верховную власть насильем, должен был рассматриваться как добродетельный гражданин. В Риме, особенно после изгнания царей, был точно сформулирован закон относительно тиранубийства, освящавший его. Республика вооружала руку каждого гражданина, облекала его для этой цели властью магистрата и признавала его своим защитником.

Брут осмеливался говорить своим друзьям, что, если бы его отец вернулся на землю, он бы его все равно убил. И хотя при продолжавшемся господстве тирании этот дух свободы мало-помалу заглох, все же с начала правления Августа заговоры не прекращались.

Любовь к отечеству была господствующей страстью, которая, выходя за обыкновенные рамки пороков и добродетелей, повиновалась только себе самой и не считалась ни с гражданином, ни с другом, ни с благодетелем, ни с отцом; добродетель как бы забывала себя для того, чтобы превзойти самое себя. Добродетель заставляла восхищаться как божественным таким поступком, который сначала нельзя было одобрить из-за его жестокости.

Действительно, преступление Цезаря, жившего при свободном правительстве, было таково, что оно могло быть наказано только посредством убийства. Спрашивать, почему его не преследовали открыто или на основании законов, значило бы то же самое, что требовать у него отчета в его преступлениях.

ГЛАВА XII О состоянии **Рима** после смерти Цезаря

До такой степени невозможно было восстановить республику, что случилось невиданное:

не было больше тирана, но не было и свободы, ибо сохранились причины, уничтожившие республику.

Заговорщики составили только общий план заговора, но ничего не сделали для предотвращения дальнейших трудностей, вытекавших из него.

После убийства Цезаря они отступили к Капитолию. Сенат не собирался. На следующий день Лепид, стремившийся производить беспорядки, занял своими вооруженными отрядами Форум.

Ветераны, опасавшиеся, чтобы у них не потребовали обратно громадных даров, полученных ими, вступили в Рим. Вследствие этого сенат одобрил все акты Цезаря и, стремясь примирить крайние направления, провозгласил амнистию заговорщикам. Таким образом наступил притворный мир.

Цезарь, готовясь к походу против парфян, назначил на случай своей смерти магистратов на несколько лет, желая иметь людей, которые в его отсутствие поддерживали бы порядок в государстве. Таким образом сторонники его партии были надолго обеспечены после его смерти ресурсами.

Так как сенат одобрил все акты Цезаря без ограничений и поручил их выполнение консулам, то Антоний, бывший тогда консулом, завладел записной книгой Цезаря и подкупил его секретаря, благодаря чему он мог внести в нее все, что хотел. Таким образом, диктатор господствовал после смерти Цезаря более самовластно, чем при жизни. Антонин делал то, чего никогда не делал бы Цезарь; он раздавал деньги, которых тот никогда не роздал бы; и всякий, обнаруживший дурные намерения против республики, неожиданно находил вознаграждение в записной книге Цезаря.

В довершение несчастья Цезарь собрал для своего похода громадные денежные суммы, положенные им на хранение в храме богини Опе. Антоний, имея его записную книгу, располагал ими по своему усмотрению.

Заговорщики сначала решили бросить тело Цезаря в Тибр. Они не встретили бы никаких препятствий к этому, ибо в моменты растерянности, которые следуют за неожиданным действием, легко сделать все, на что можно отважиться. Их намерение не было выполнено, и вот что из-за этого произошло.

Сенат считал себя обязанным разрешить похороны Цезаря. Действительно, так как он не был объявлен тираном, то ему нельзя было отказать в погребении. Но у римлян существовал обычай, столь восхваляемый Полибием, носить во время похорон изображения предков и произносить в честь умершего надгробную речь. Антоний, произносивший ее, показал народу окровавленную одежду Цезаря, прочитал его завещание, по которому народ получал щедрые подарки, и привел его в такую ярость, что он стал поджигать дома заговорщиков.

Мы имеем признание Цицерона, управлявшего сенатом во время этих событий, что следовало бы действовать более энергично, даже рискуя гибелью, и что при этом никто не погиб бы. Он ищет оправдания в том, что сенат был созван тогда, когда было уже поздно. Тот, кто знает, какое значение имеет даже мгновение при событиях, в которых народ принимает главное участие, не удивится этому.

А вот и другой случай: когда происходили игры в честь Цезаря, в течение семи дней была видна длинная хвостатая комета; народ верил, что это душа Цезаря, принятая на небо.

Народы Греции и Азии имели обычай строить храмы в честь царей и даже проконсулов, управлявших ими. Им это разрешали, так как это было наиболее ярким свидетельством их рабства. В своих ларариях, или частных храмах, римляне также могли воздавать божественные почести своим предкам. Но я не знаю случая, чтобы какой-либо римлянин от Ромула до Цезаря был причислен к общенародным божествам.

Управление Македонией было поручено Антонию; но он хотел получить управление обеими Галлиями — мы хорошо знаем, по каким мотивам. Когда Децим Брут, управлявший Цизальпинской Галлией, отказался уступить ее ему, он решил его прогнать. Это вызвало гражданскую войну, в которой сенат объявил Антония врагом отечества. 4*

Цицерон, желая погубить своего личного врага Антония, принял плохое решение способствовать возвышению Октавия. Вместо того чтобы заставить народ забыть Цезаря, он таким образом все время напоминал ему о нем.

Октавий вел себя очень ловко по отношению к Цицерону: он льстил ему, хвалил его, совещался с ним, словом, употреблял те уловки, на которые всегда попадаете тщеславие.

Почти все дела портит то, что люди, предпринимающие их, кроме главной цели стремятся еще достигнуть мелких частных успехов, которые льстят их самолюбию и их самодовольству.

Я думаю, если бы Катон был сохранен для республики, он дал бы совершенно другое направление делам. Цицерон, который мог прекрасно играть вторые роли, не был способен к первым. Он обладал великим умом, но обыкновенной душой. Для Цицерона на втором плане стояла добродетель, для Катона — слава. Цицерон в первую очередь думал о себе, Катон всегда забывал себя; последний хотел спасти республику ради нее самой, первый — ради своего тщеславия.

Развивая дальше эту параллель между ними, можно было бы сказать, что Катон предвидел, а Цицерон боялся; там, где Катон надеялся, Цицерон доверялся; первый всегда сохранял хладнокровие, второй видел все через призму сотни мелких страстей.

Антоний потерпел поражение при Модене; оба консула — Гирций и Панса — погибли. Сенат, считая, что преодолел все трудности, желал унижить Октавия, который, со своей стороны, прекратив борьбу против Антония, повел свою армию в Рим и заставил провозгласить себя консулом.

Вот каким образом Цицерон, который хвастался тем, что он своим мирным искусством уничтожил войска Антония, направил против республики более опасного врага, потому что его имя было дороже народу, а его права носили по видимости более законный характер.

Потерпевший поражение Антоний нашел убежище в Трансальпийской Галлии, где его принял Лепид. Они оба соединились с Октавием, согласившись пожертвовать жизнью тех, которые были друзьями одних и врагами других. Лепид остался в Риме; Антоний и Октавий отправились навстречу Бруту и Кассию и столкнулись с ними в тех местах, где 3 раза сражались за владычество над миром.

Брут и Кассий покончили с собой вследствие непростительной опрометчивости. Читая об этом, невольно испытываешь чувство жалости к республике, которая была покинута таким образом. Катон покончил с собой к концу трагедии; первые два как бы начали ее своей смертью.

Можно привести несколько причин в объяснение обычая кончать жизнь самоубийством, столь распространенного у римлян, а именно: успехи стоической школы, поощрявшей к этому; установление триумфов и рабства, которые привели некоторых великих людей к мысли о том, что не следует переживать своего поражения; выгоды, которые получал обвиняемый, кончая собой, ибо благодаря этому он избегал приговора, осуждавшего его память и подвергавшего его имуществу конфискации; своеобразное понимание чести, может быть более разумное, чем то, которое заставляет нас теперь убивать своего друга на дуэли за жест или слово; и, наконец, весьма удобный повод для проявления героизма, ибо всякий кончал пьесу, которую он разыгрывал в мире, именно в том месте, где он хотел.

Можно было бы прибавить еще одну причину, вследствие которой самоубийство совершалось очень легко: душа, всецело занятая действием, которое она собирается совершить, мотивом, который его определяет, опасностью, которую она стремится избежать, собственно

говоря, совсем не замечает смерти, потому что страсть заставляет чувствовать, но вовсе не видеть.

Самолюбие, любовь к самосохранению принимают столь разнообразные формы и действуют согласно столь противоположным принципам, что они заставляют нас жертвовать нашим существом из-за любви к нашему существу. Мы такого высокого мнения о себе, что соглашаемся прекратить жизнь по естественному и смутному инстинкту, который заставляет нас любить себя даже больше, чем нашу жизнь.

ГЛАВА XIII Август

Секст Помпеи владел Сицилией и Сардинией; господствуя над морем, он имел при себе бесчисленное множество изгнанных и опальных, возлагавших все свои надежды на сражения. Октавий вел против него две очень тяжелые войны, после больших неудач он победил его благодаря искусству Агриппы.

Почти все заговорщики плохо окончили свою жизнь; вполне естественно, что люди, стоявшие во главе партии, потерпевшей столько поражений в войнах, в которых никому не давали пощады, погибли насильственной смертью. Отсюда, однако, сделали вывод о небесном мщении, каравшем убийц Цезаря и осуждавшем их дело.

Октавий привлек на свою сторону солдат Лепида и отнял у него власть триумвира. Он даже лишил его утешения жить в неизвестности, принудив его присутствовать на народных собраниях в качестве частного лица. Унижение Лепида доставляет нам большое удовлетворение. Он был самым плохим гражданином в республике: первый возбуждал смуты и непрерывно составлял вредные планы, для исполнения которых ему, однако, приходилось заключать союз с людьми, более ловкими, чем он. Одному современному автору угодно было похвалить Лепида; он ссылается на Антония, который в одном из своих писем дает ему эпитет «честного человека»; но «честный человек» для Антония вовсе не должен быть таким для других.

Я думаю, Октавий — единственный из всех римских полководцев, возбудивший к себе любовь солдат благодаря тому, что он постоянно проявлял перед ними природную трусость. В эту эпоху солдаты больше ценили генерала за его щедрость, чем за его храбрость. Возможно, что именно отсутствие храбрости — качества, которое может доставить власть, — составило счастье Октавия и даже возвысило его: его меньше боялись. Возможно, что его наиболее позорные действия больше всего послужили ему на пользу. Если бы он с самого начала обнаружил великую душу, все остерегались бы его; если бы он обладал смелостью, то не позволил бы Антонию совершить все те сумасбродства, которые того погубили.

Антоний, готовясь к войне против Октавия, поклялся своим солдатам, что через два месяца после победы он восстановит республику. Из этого ясно видно, что даже солдаты дорожили свободой своего отечества, хотя они все время уничтожали ее, ибо нет ничего более безрассудного, чем армия.

Была дана битва при Акции; Клеопатра обратилась в бегство и увлекла вслед за собой Антония. Нет сомнения, что впоследствии она его предала. Возможно, что, побуждаемая чрезмерным женским кокетством, она составила план увидеть у своих ног третьего владыку мира.

Женщина, ради которой Антоний пожертвовал всем миром, изменила ему. От него отступилось множество полководцев и царей, которых он возвысил или облек в это достоинство. Но как бы в доказательство того, что благородство может быть связано с рабством, отряд гладиаторов сохранил ему героическую верность. Осыпьте человека благодеяниями, первой мыслью, которую вы ему внушите, будут поиски средств к их сохранению: у него будут новые интересы, которые ему нужно будет защищать.

В этих войнах изумляет то, что одна битва решала исход всего предприятия и что

поражения носили окончательный характер.

Римские солдаты не принадлежали, собственно, ни к одной партии; они сражались не за известное дело, а за известную личность; они знали только своего вождя, который, привлекая их на свою сторону, сулил им громадные выгоды. Но, поскольку разбитый полководец не был в состоянии выполнить свои обещания, они переходили к другому. Провинции не принимали искреннего участия в раздорах, потому что для них было совершенно безразлично, кто победит — сенат или народ. Как только один из вождей терпел поражение, они становились на сторону другого, ибо каждый город заботился о том, чтобы оправдаться перед победителем, который должен был пожертвовать наиболее провинившейся областью для того, чтобы сдержать непомерные обещания, данные солдатам.

Мы имели во Франции гражданские войны двух родов: предлогом для одних была религия, и они были продолжительными, потому что и после победы сохранялся мотив, побуждавший к ним; другие не имели, собственно говоря, никакого мотива и начинались вследствие легкомыслия или честолюбия нескольких вельмож, почему они и подавлялись с самого начала.

Август (имя, которое лесть дала Октавию) восстановил порядок, т. е. постоянное рабство, ибо в свободном государстве, где захватчик только что овладел верховной властью, называют порядком все то, что может укрепить неограниченный авторитет одного человека; смутой же, раздором и плохим правлением называют все то, что может поддержать благородную свободу подданных.

Все питавшие честолюбивые планы содействовали тому, чтобы водворить в республике некоторого рода анархию. Помпеи, Крассе и Цезарь достигли в этом направлении удивительных успехов. Они установили безнаказанность всех государственных преступлений; они уничтожили все, что могло помешать порче нравов, все, что могло содействовать прекращению беспорядков; подобно тому как хорошие законодатели желают сделать своих сограждан лучшими, они стремились сделать их худшими. Они ввели обычай подкупать народ деньгами; когда обвиняли кого-либо в проиствах, подкупали судей; они производили беспорядки при выборах посредством всякого рода насилий; когда привлекали кого-либо к суду, наводили страх на судей; уничтожена была даже власть народа, свидетельством чего служит Габиний, который бесстыдно потребовал триумфа по поводу того, что он вооруженной рукой восстановил на престоле Птолемея вопреки воле народа.

Первые люди республики стремились внушить народу отвращение к его власти и сделаться для него необходимыми» доведя до крайностей неудобства республиканского образа правления. Но, когда Август стал владыкой, политические соображения побудили его восстановить порядок, чтобы дать почувствовать выгоды единовластия.

Когда Август вел войны, он опасался мятежей солдат, а не заговоров граждан; вот почему он щадил первых и был так жесток ко вторым. Когда наступил мир, он стал бояться заговоров; он имел всегда перед глазами судьбу Цезаря, и, чтобы избежать его участи, он решил держаться другого направления: в этом ключ к объяснению всей жизни Августа. В сенате он носил под одеждой панцырь; он отказался от звания диктатора; Цезарь говорил заносчиво, что республика ничто и что его слова являются законом, Август же говорил все время о достоинстве сената и о своем уважении к республике. Он хотел восстановить наиболее приемлемое для граждан правительство, которое в то же время не наносило бы ущерба его интересам. Он создал аристократическое правительство в гражданском отношении и монархическое в военном. То было колеблющееся правительство, которое не могло держаться своими собственными силами и существовало лишь пока оно было угодно монарху. В этом смысле оно носило совершенно монархический характер.

Часто ставили вопрос: намеревался ли Август действительно отказаться от власти? Но кто

не видит, что если бы он пожелал, то добился бы этого? Что это было лишь игрой, видно из того, что Август каждые десять лет просил освободить его от бремени власти и все же продолжал носить ее тяжесть. Он пользовался мелкими уловками, чтобы заставить дать ему то, что, по его мнению, доставало ему для полноты власти. К такому заключению приводит вся жизнь Августа. Хотя люди очень своенравны, все же очень редко случается, чтобы они отказались в какой-либо момент от планов, которые вынашивали всю жизнь. Все действия Августа, все его распоряжения явно клонились к установлению монархии. И Сулла отказывался от диктатуры, но вся его жизнь служит доказательством того, что он был настроен республикански, несмотря даже на учинявшиеся им насилия. Все его распоряжения, даже выполнявшиеся тиранически, клонились всегда к установлению известной формы республики. Крутой Сулла насильственно ведет римлян к свободе; Август, хитрый тиран, незаметно приводит их к рабству. При Сулле республика восстанавливала свои силы, но все кричали о тирании; при Августе же укреплялась тирания, а говорили только о свободе.

Обычай триумфов, так сильно содействовавший величию Рима, при Августе исчез, или, говоря правильнее, эта почесть стала привилегией верховной власти. Большинство перемен, введенных императорами, имело свое начало в обычаях республики, с которыми их следует сближать. При республике только тот имел право требовать триумфа, под верховным руководством которого велась война; но теперь она велась всегда под верховным руководством императора, бывшего главой всех армий.

Основной принцип республики состоял в том, чтобы непрерывно воевать, императоры же руководствовались правилом — поддерживать мир: победы причиняли им только беспокойство, ибо они опасались, что войска потребуют за них слишком высокую цену.

Начальники, имевшие некоторую власть над войском, боялись слишком великих дел. Следовало уменьшать свою славу настолько, чтобы она возбуждала лишь внимание, но не зависть государя, и избегать слишком большого блеска, которого не могли бы вынести его глаза.

Август очень скупно раздавал право римского гражданства; он издал законы, значительно ограничивавшие освобождение рабов. В своем завещании он советовал соблюдать эти два правила и не стремиться к расширению границ империи посредством новых войн.

Эти три вещи были тесно связаны между собой; как только прекратились войны, исчезла надобность в новых гражданах и вольноотпущенниках.

Когда Рим вел непрерывные войны, ему нужно было все время восстанавливать свои потери в людях. Первоначально в него переселяли часть жителей побежденного города. Впоследствии в него прибывали некоторые граждане соседних городов для участия в выборах; их количество бывало так велико, что по жалобам союзников их часто отсылали обратно. И, наконец, множество людей прибывало из провинций. Законы благоприятствовали бракам и даже делали их обязательными. В каждой войне Рим приобретал громадное количество рабов. Когда римляне сильно разбогатели, они стали покупать их повсюду, но и освобождать в большом числе, кто по великодушию, кто по скупости, кто по мягкости характера. Одни хотели вознаградить верных рабов; другие желали получать от их имени хлеб, который республика распределяла между бедными гражданами; третьи, наконец, хотели, чтобы их траурную колесницу сопровождали многочисленные вольноотпущенники с венками на головах. Почти весь народ состоял из вольноотпущенников. Таким образом, эти владыки мира были рабского происхождения не только в первоначальный период, но и во все эпохи своей истории.

Когда чернь, почти целиком состоявшая из вольноотпущенников и их потомков, становилась в тягость, то создавали колонии, посредством которых обеспечивали себе верность провинций. Население всего мира совершало свой кругооборот в Риме: он получал рабов и высылал римлян.

Воспользовавшись как предлогом беспорядками во время выборов, Август назначил городского начальника Рима и поместил в городе гарнизон. Он организовал корпуса из «бессмертных легионов», которых он разместил на границах империи, и учредил специальное казначейство для их оплаты; он установил, что ветераны будут получать вознаграждение деньгами, а не землями.

Распределение земель, произведенное после Суллы, принесло печальные результаты. Собственность граждан стала необеспеченной. Если не помещали солдат одной когорты в одном и том же месте, они получали отращение к своему поселению, земли оставались необработанными, а солдаты становились опасными гражданами. Если же солдат распределяли по легионам, то честолюбцы могли в любой момент найти армии, готовые выступить против республики.

Август создал постоянную организацию морской службы. Подобно тому как до него римляне не имели постоянных сухопутных войск, они не имели и постоянных военно-морских войск. Флот Августа имел своей главной целью обеспечить безопасность торгового флота и охранять коммуникации между разными частями империи, ибо с тех пор римляне стали владыками всего бассейна Средиземного моря. В ту эпоху плавали только по этому морю, и римляне не имели врагов, которых им следовало бы опасаться.

Дион замечает вполне справедливо, что начиная с эпохи императоров стало труднее писать историю: все стало секретным.

Все депеши из провинций посылались в императорскую канцелярию; известным становилось лишь то, чего не желали скрывать безумие или наглость тиранов, или же то, о чем историки догадывались.

ГЛАВА XIV Тиберий

Подобно тому как поток медленно и бесшумно подмывает плотину, затем сразу разрушает ее и покрывает поля, которые она защищала, так и верховная власть при Августе действует незаметно, а при Тиберий бурно опрокидывает все.

В Риме существовал закон об оскорблении величества, направленный против тех, кто покушался на римский народ. Тиберий воспользовался им и стал применять его не к тем, против которых он был издан, но ко всем, которых ему указывали его ненависть и недоверчивость. Под этот закон попадали не только поступки, но и слова, и знаки, и даже мысли, ибо слова, которые произносятся при откровенных беседах двух друзей, могут рассматриваться только как мысли. Не было больше свободы на пирах, доверия между родственниками, верности в рабах; притворство и мрачность государя сообщались всем. Дружба стала рассматриваться как опасность, искренность — как неблагоразумие, добродетель — как аффектация, способная напомнить народам о счастье минувших времен.

Нет более жестокой тирании, чем та, которая прикрывается законами и видимостью правосудия, когда, если можно так выразиться, несчастных топят на той самой доске, на которой они спаслись.

Никогда не было, чтобы тиран не нашел орудий своей тирании, и Тиберий всегда находил судей, готовых осудить всех, кого он подозревал. Сенат, который как таковой никогда не занимался делами частных лиц при республике, по поручению народа выносил приговоры по преступлениям, в которых обвиняли союзников. Тиберий поручал ему разбирать все дела, в которых он усматривал оскорбление своего величества. Это учреждение совершало такие подлости, которые невозможно описать. Сенаторы устремились навстречу рабству; под покровительством Сеяна знатнейшие из них занимались ремеслом доносчиков.

Я нахожу несколько причин духа рабства, господствовавшего тогда в сенате. После победы Цезаря над республиканской партией и друзья, и враги его в сенате одинаково содействовали

уничтожению всех законных ограничений его власти и присуждению ему чрезмерных почестей: одни стремились приобрести его расположение, другие — сделать его ненавистным. По словам Диона, некоторые дошли до того, что предложили разрешить ему обладать всеми женщинами, которые ему понравятся. Это привело к тому, что он не остерегался сената и был там убит. Но это имело своим результатом также и то, что при следующих императорах не было такой лести, которая осталась бы без примера и могла вызвать возмущение.

До установления в Риме единовластия первые люди в нем обладали колоссальными богатствами, которые они приобрели самыми различными путями. Но они их лишились почти совсем при императорах; сенаторы не имели больше тех крупных клиентов, которые щедро наделяли их богатствами. Когда по провинциям были назначены прокураторы, которые по своей должности равнялись приблизительно нашим интендантам,

то вес их доходы поступали к императору. Между тем, хотя источники доходов у них были отняты, сенаторы продолжали вести прежний образ жизни и расходовали значительные суммы денег, которые они могли получить только по милости императора.

Август отнял у народа право издавать законы и судить за государственные преступления; но он оставил ему — или делал вид, что оставил, — право выбирать магистратов. Тиберий, опасавшийся собраний столь многочисленного народа, отнял у него эту привилегию и передал ее сенату, т. е. себе самому. Однако трудно поверить, до какой низости довело вельмож падение власти народа. Когда народ раздавал важные должности, магистраты, домогавшиеся их, совершали много подлостей; однако их прикрывала известная пышность, поскольку магистраты устраивали для народа игры и пиры или же раздавали народу деньги и хлеб. Хотя мотивы были низменные, но средства носили в известной степени благородный вид, ибо вельможе всегда подобает добиваться благосклонности народа посредством щедрых раздач. Но когда парод ничего не мог давать, а государь располагал всеми должностями от имени сената, то их стали просить и получать недостойными путями; необходимыми средствами достижения их стали лезть, подлость, преступления.

Между тем нельзя сказать, что Тиберий хотел унижить сенат. Он больше всего жаловался на склонность этого учреждения отдаваться в рабство; в течение всей своей жизни он не переставал обнаруживать свое отвращение к такому поведению, но, подобно большинству людей, он желал соединить противоположное. Его общая политика не находилась в согласии с его личными склонностями. Он желал бы иметь свободный сенат, способный внушать уважение к его правлению; но в то же время он желал бы иметь сенат, готовый в любой момент рассеять все его опасения, удовлетворить его зависть и его ненависть. В последнем счете государственный деятель всегда уступал в нем частному человеку.

Мы говорили, что народ добился когда-то от патрициев права назначать своих магистратов, которые должны были защищать его от оскорблений и несправедливостей. Они были объявлены священными и неприкосновенными, дабы они могли отправлять беспрепятственно свою должность. Было установлено, что всякий, кто оскорбит трибуна делом или словом, немедленно подвергнется смертной казни. Но императоры были облечены трибунской властью и получили соответствующие привилегии. На этом основании было казнено столько людей, что доносчики могли совершенно спокойно заниматься своим ремеслом. Так как обвинение в оскорблении величества могло быть распространено на кого угодно, то доносчики, как говорит Плиний²¹, могли обвинять в этом преступлении любого человека, которому нельзя было приписать никакого преступления.

Я думаю, однако, что некоторые из этих обвинений вовсе не были такими нелепыми, какими они кажутся нам теперь. Я не могу себе представить, чтобы Тиберий заставил обвинять человека в том, что он продал вместе со своим домом статую императора, чтобы Домициан

велел осудить на смерть женщину за то, что она разделась перед его изображением, а гражданина — за то, что на стенах его комнаты было описание всей земли, представленное живописью, если бы эти поступки вызывали в умах римлян такие же представления, как и теперь. Я думаю, это было отчасти вызвано переменой римского правительства, когда стало казаться важным то, что для нас не имеет никакого значения. Я так заключаю из того, что мы ныне видим нацию, которую никто не заподозрит в тирании, где, однако, запрещено выпивать за здоровье некоторой особы.

Я не должен пропустить ничего, что может послужить к познанию духа римского народа. Этот народ так привык повиноваться и считать, что все его благополучие зависит от его владык, что, когда умер Германик, он выражал свою печаль, сожаление и отчаяние с такой силой, какой мы не находим у нас. Историки описывают, какую великую, долгую и необузданную скорбь народ обнаруживал при этом несчастье; она не была притворной, ибо целый народ не прикидывается, не льстит, не обманывает.

Римский народ, не принимавший больше участия в правлении, состоявший почти исключительно из вольноотпущенников и из людей, не запятых ремеслом, живших на счет государственной казны, чувствовал лишь свое бессилие. Он сокрушался подобно детям и женщинам, которые, чувствуя свою слабость, впадают в отчаяние; он был в плохом состоянии; он боялся за жизнь Германика, на которого возложил все свои надежды; и когда тот был у него похищен, он впал в отчаяние.

Больше всех опасаются несчастий те, кто мог бы быть спокойным ввиду крайней бедности, и должен был бы сказать вместе с Андромахой: «дай бог, чтобы я боялась». В Неаполе сейчас живет 50 тысяч человек, питающихся только зеленью и одетых в лохмотья. Но эти самые несчастные люди па земле впадают в ужасное уныние при малейшем дыме на Везувии: по своей глупости они боятся стать несчастными.

ГЛАВА XV. Об императорах от Гая Калигулы до Антонина

Тиберию наследовал Калигула. Про него говорили, что никогда не было лучшего раба и худшего господина. Эти две вещи тесно связаны между собой, ибо то же самое расположение духа, при котором человека живо поражает мысль о беспредельном могуществе власти, приводит к тому, что он бывает не менее сильно потрясен, когда сам становится правителем.

Калигула восстановил комиции, уничтоженные Тиберием. Он отменил изданный при Тиберии произвольно применявшийся закон об оскорблении величества. Отсюда видно, что начало царствования плохих государей бывает часто таким же хорошим, как конец добрых, ибо, руководствуясь духом противоречия к поведению своих предшественников, они могут делать то, что другие делают по своей добродетели; именно этому духу противоречия мы обязаны многими как хорошими распоряжениями, так и плохими.

Выиграли ли римляне при этом? Калигула отменил обвинения в оскорблении величества; но всех, попавших к нему в немилость, он казнил по военному обычаю. Так поступали не только с отдельными сенаторами, неугодными императору; его меч висел над всем сенатом, который он угрожал уничтожить целиком.

Эта ужасная тирания императоров происходила от общего настроения умов римлян. Так как они неожиданно очутились под произвольной властью, у них почти не было интервала между состоянием господства и рабства, так что они не были подготовлены к этому переходу мягкими нравами: они оставались такими же жестокими. С римскими гражданами обращались так же, как они сами обращались с побежденными врагами, ими управляли по тому же образцу. Сулла при своем вступлении в Рим не был другим человеком, чем при своем вступлении в Афины; он пользовался тем же международным правом. Когда государства приводятся в подчинение постепенно, то даже при отсутствии законов они все еще управляются нравами.

Зрелище непрерывных гладиаторских боев сделало римлян чрезвычайно жестокими. Было замечено, что Клавдий вследствие частого присутствия на подобного рода спектаклях стал гораздо более склонен к пролитию крови. Пример этого императора, бывшего мягким по природе и все же совершившего столько жестокостей, показывает, что воспитание этой эпохи отличалось от нашего.

Римляне, привыкшие распорядиться судьбой людей в лице своих детей и рабов, не могли обладать той добродетелью, которую мы называем гуманностью. Откуда происходит жестокость жителей наших колоний, как не от обычая наказывать злополучную часть человеческого рода? Если люди проявляют жестокость в гражданском быту, можно ли ожидать от них мягкости и естественной справедливости?

Читая историю императоров, приходишь в ужас от бесконечного количества казненных ради конфискации их имущества. В современной истории мы не находим ничего подобного. Это, как мы только что сказали, следует приписать более мягким нравам и более кроткой религии; кроме того, теперь нет таких сенаторских фамилий, которые ограбили бы весь мир. Наши умеренные богатства доставляют нам ту выгоду, что они более обеспечены; не стоит труда похищать их у нас.

Римский народ, называвшийся «плебсом», не испытывал ненависти даже к самым плохим императорам. С тех пор, как он потерял власть и не был более занят ведением войн, он стал самым презренным из народов. Торговлю и ремесла он считал занятиями, пригодными только для рабов; бесплатное распределение хлеба привело к тому, что он перестал обрабатывать землю; его приучили к играм и зрелищам. Когда у него не стало больше трибунов, которых он мог бы выслушивать, и магистратов, которых он должен был бы выбирать, эти пустые развлечения стали для него необходимыми и праздность развила в нем вкус к ним. Именно безумства Калигулы, Нерона, Коммода и Каракаллы заставили народ жалеть об их смерти. Они страстно любили то, что любил народ, и употребляли всю свою власть, чтобы доставить ему удовольствие, участвуя в зрелищах даже лично; они расточали для него все богатства империи; а когда они были истощены, народ взирал без сожаления на ограбление всех знатных фамилий; он наслаждался плодами тирании, он испытывал чистое наслаждение, потому что находил свою безопасность в своей низости. Подобные государи, естественно, ненавидели добропорядочных людей; они знали, что последние не одобряют их поведения. Возмущенные явным или молчаливым протестом строгого гражданина, опьяненные аплодисментами черни, они стали воображать, что при их правлении общество процветает и что только злоумышленники могут находить в нем недостатки.

Калигула показал себя настоящим софистом в своей жестокости. Так как он происходил и от Антония, и от Августа, то он говорил, что будет наказывать консулов как в том случае, если они будут праздновать день, установленный в память победы при Акции, так и в том случае, если они не будут праздновать его. Когда умерла Друзилла, которой он велел воздавать божественные¹ почести, то было преступлением плакать по ней, потому что она была богиней, и не плакать, потому что она была сестрой императора.

Здесь нужно отдать себе отчет в превратности человеческих дел. История Рима представляет нашим очам столько предпринятых войн, столько пролитой крови, столько истребленных народов, столько великих дел, столько триумфов, столько политики, мудрости, благоразумия, постоянства, мужества; этот план покорить весь мир, так хорошо задуманный, выполненный и заверченный, кончается только тем, что утоляет алчное желание пяти-шести чудовищ. Как! Разве для того сенат уничтожил столько царей, чтобы самому потом попасть в самое позорное рабство к нескольким своим наиболее недостойным гражданам или погубить себя посредством своих собственных решений. Мы возвышаемся только для того, чтобы тем

стремительнее нас низвергли. Люди стремятся усилить свою власть только для того, чтобы увидеть, как она попадает в более удачные руки и используется против них самих.

После убийства Калигулы сенат собрался для того, чтобы установить форму правительства. Пока он обсуждал этот вопрос, несколько солдат проникло во дворец с целью грабежа. Они нашли в укромном месте человека, дрожавшего от страха; то был Клавдий; они его приветствовали как императора.

Клавдий окончательно уничтожил старый порядок, дав своим чиновникам право отправлять правосудие. Марий и Сулла воевали между собой главным образом для того, чтобы решить, кому будет принадлежать это право — сенаторам или всадникам. Прихоть глупца лишила этого права как одних, так и других: странное окончание спора, который зажег пожар во вселенной!

Нет более абсолютной власти, чем та, которой располагает государь, ставший преемником республики, ибо он сосредоточивает в себе всю власть народа, не сумевшего ограничить самого себя. Так и теперь датские короли обладают наиболее абсолютной властью в Европе.

Народ был унижен не меньше, чем сенаторы и всадники. Как мы видели, до эпохи императоров он был таким воинственным, что армии, набранные в городе, здесь же на месте выстраивались в боевой порядок и шли прямо на врага. В период гражданских войн Вителлия и Веспасиана Рим, ставший добычей честолюбцев и полный робких граждан, трепетал перед первой попавшейся шайкой солдат, которая приближалась к городу.

Не лучше было и положение императоров, так как право выбирать императора дерзко присваивала себе не одна армия; ибо стоило кому-либо быть выбранным одной армией, чтобы стать неприемлемым для других, которые тотчас же выставляли против него соперников.

Таким образом, подобно тому как обширность республики стала роковой для республиканского правительства, обширность империи стала таковой для жизни императоров. Бела бы они должны были защищать страну, имеющую умеренные размеры, то императоры должны были бы содержать только главную армию, которая, выбрав их, уважала бы создание своих рук.

Солдаты были привязаны к фамилии Цезаря, которая гарантировала им преимущества, доставшиеся им благодаря революции. Наступило время, когда все знатные фамилии Рима были уничтожены фамилией Цезаря, которая в лице Нерона сама потом погибла. Гражданская власть, которую все время ниспровергали, оказалась не в силах уравнивать военную: каждая армия хотела иметь своего императора.

Сравним различные эпохи. Когда Тиберий начал царствовать, он извлек из существования сената большие выгоды. Он узнал, что иллирийская и германская армии подняли мятеж; он удовлетворил некоторые их требования, утверждая, что остальные разберет сенат; он послал к ним членов этого учреждения. Те, кто перестает бояться власти, могут все же уважать ее авторитет. Когда показали солдатам, каким опасностям подвергались в римской армии дети императора и послы римского сената, они раскаялись и дошли даже до того, что сами на себя налагали кары. Но, когда сенат был окончательно унижен, его пример никого не трогал. Тщетно Оттон в своих речах к солдатам говорит о достоинстве сената; тщетно Вителлин посылает самых знатных сенаторов заключить мир с Веспасианом; нельзя вернуть сословиям государства то уважение, которого так давно их лишили. Армии смотрели на этих послов как на самых гнусных рабов господина, от которого они уже отказались.

У римлян существовал старый обычай, согласно которому триумфатор раздавал несколько динариев каждому солдату. То была незначительная сумма. Во время гражданских войн эти подарки были увеличены. Когда-то раздавали деньги, взятые у неприятеля; в эти бедственные времена стали давать деньги, взятые у граждан; хотя и не было военной добычи, солдаты

требовали своей доли. Эти распределения производились после окончания войны; Нерон стал производить их в мирное время. Солдаты привыкли к ним; они роптали на Гальбу, смело ответившего им, что он умеет набирать солдат, но не покупать их.

Гальба, Оттон, Вителлий были мимолетными явлениями. Подобно им, Веспасиан был выбран солдатами. Во все время своего царствования он думал только о том, чтобы восстановить империю, в которой последовательно царствовали шесть одинаково жестоких тиранов, почти все бешеные, часто слабоумные и в довершение несчастий все безумно расточительные.

Тит, наследовавший ему, был отрадой римского народа. В лице Домициана опять появился изверг, более жестокий или по крайней мере более беспощадный, чем все его предшественники, потому что он был более труслив.

Самые близкие к нему вольноотпущенники и, судя по словам некоторых, даже его жена, (увидя, что он одинаково опасен и в дружбе, и в ненависти и что нет пределов его подозрительности и обвинениям, отделались от него. Прежде чем нанести ему удар, они подумали о преемнике и выбрали Нерву, почтенного старца.

Нерва усыновил Траяна, самого лучшего государя в истории. Счастьем считали родиться в его царствование, римский народ не имел более счастливого и славного царя. Великий государственный деятель и полководец, он имел доброе сердце, влекшее его к благу, просвещенный ум, указывавший ему самое лучшее, благородную, великую и прекрасную душу, где все добродетели уравнивали друг друга. То был человек, более всех способный украшать человеческую природу и представлять божественную.

Он привел в исполнение план Цезаря, успешно воюя против парфян. Всякий другой пал бы под тяжестью предприятия, где опасности были всегда перед глазами, а ресурсы далеки, где следовало безусловно победить и где после победы нельзя было считать себя в безопасности.

Трудность состояла как в положении обеих империй, так и в способе ведения войны обеих пародов. Можно было отправиться через Армению к истокам Тигра и Евфрата. Но там была гористая и недоступная страна, где невозможно было подводить припасы, так что армия была бы наполовину уничтожена еще до ее прибытия в Мидию. Можно было отправиться гораздо ниже к югу, через Нисибис. Но там была ужасная пустыня, разделявшая обе империи. Можно было отправиться еще ниже, через Месопотамию. Тогда пришлось бы пройти по стране, которая отчасти необработана, а отчасти покрыта водой. Так как Тигр и Евфрат текут там от севера к югу, то невозможно проникнуть вглубь страны, не покидая рек, и отойти от рек, не рискуя гибелью.

Что касается способа ведения войны обеих народов, то сила римлян заключалась в их пехоте, самой сильной, самой стойкой и самой дисциплинированной на свете.

У парфян не было пехоты, но они имели замечательную кавалерию. Они сражались издали, за пределами досягаемости римского оружия. Дротик мог их редко поразить; их оружие состояло из лука и страшных стрел. Они скорее осаждали армию, чем сражались против нее; преследовать их было бесполезно, потому что они сражались, убегая и отступая назад по мере того, как к ним приближались. Они оставляли в крепостях только гарнизоны. Когда брали эти крепости, их необходимо было разрушать. Они нарочно выжигали всю местность вблизи неприятельской армии, так что не оставалось даже и травы. Они вели войну тогда приблизительно так, как ведут ее теперь в этих же странах.

Далее, иллирийские и германские легионы, которых перевезли туда, не были приспособлены к этой войне. Солдаты, привыкшие в своих странах много есть, почти все погибали.

Таким образом, парфянам удалось то, что не удалось ни одному народу, — избежать ига

римлян. Это произошло не потому, что они были непобедимы, а потому, что они были недоступны.

Адриан отказался от завоеваний Траяна, ограничив империю Евфратом. Удивительно, что после стольких войн римляне потеряли только то, чего не хотели удержать за собой, подобно морю, которое занимает меньшее пространство только тогда, когда оно отступает само.

Поведение Адриана вызвало сильный ропот. В священных книгах римлян было написано, что когда Тарквиний хотел построить Капитолий, то нашел, что наиболее подходящее место для него уже было занято статуями многих богов. Он употребил свой дар прорицания, чтобы узнать, желают ли они уступить свое место Юпитеру; все согласилось, за исключением Марса, Юности и бога границ — Термина. Отсюда возникло три религиозных мнения: что народ Марса никому не уступит занятого им места; что римская юность никогда не будет преодолена и, наконец, что бог римлян Термин никогда не отступит, что, однако, произошло при Адриане.

ГЛАВА XVI О состоянии империи от Антонина до Проба

В это время стоическая школа распространилась по империи и стала пользоваться значительным влиянием. Казалось, человеческая природа сделала усилие, чтобы из самой себя произвести эту удивительную школу, похожую на те растения, которые порождает земля в местах, куда никогда не проникает луч солнца.

Римляне были ей обязаны своими лучшими императорами. Невозможно забыть первого Антонина, а тем более — усыновленного им Марка Аврелия. Мы чувствуем тайное удовольствие, говоря об этом императоре. Читая о его жизни, испытываешь некоторый род умиления. Она производит такое впечатление, что мы начинаем думать лучше о себе самих, потому что мы имеем лучшее мнение о других.

Мудрость Нервы, слава Траяна, мужество Адриана, добродетель обоих Антонинов внушали уважение солдатам. Но когда новые изверги заняли их место, злоупотребления военного правления обнаружили во всей своей силе. Солдаты, продававшие империю, убивали императоров для того, чтобы получить новое вознаграждение.

Говорят, некий государь старается в течение 15 лет уничтожить в своем государстве гражданское правление, чтобы ввести вместо него военное. Я не хочу заниматься праздными рассуждениями по поводу этого намерения; скажу только, что для охраны жизни государя достаточно 200 гвардейцев, а не 80 тысяч, не говоря уже о том, что опаснее притеснять вооруженный народ, чем невооруженный.

Коммод наследовал своему отцу Марку Аврелию. То был изверг, который следовал не только всем своим страстям, но и всем прихотям своих министров и придворных. Те, которые освободили мир от него, поставили на его место Пертинакса, почтенного старца, которого преторианские солдаты вскоре убили.

Они стали продавать империю с аукциона, и Дидий Юлиан получил ее, обещав солдатам несметные сокровища. Это вызвало всеобщее возмущение, ибо, хотя империю часто покупали, однако, никто еще ею не торговал. Песценний Нигер, Север и Альбин были провозглашены императорами, а Юлиан, не имея возможности уплатить громадные суммы денег, обещанные им, был покинут своими солдатами.

Север разбил Нигера и Альбина. Он имел великие достоинства, но ему недоставало кротости — этой первой добродетели государей.

Власть императоров могла гораздо легче казаться тиранической, чем власть нынешних государей. Так как их звание слагалось из всех римских магистратур и они были диктаторами под именем императоров, народными трибунами, проконсулами, цензорами, верховными жрецами и, когда хотели, консулами, то они часто распределяли награды и наказания. Это легко могло навлечь на них подозрение в том, что осужденные ими несправедливо подвергаются

истязаниям, ибо народ обыкновенно судит о злоупотреблении власти в соответствии с ее обширностью. Вместо этого короли Европы, будучи законодателями, а не исполнителями законов, государями, а не судьями, отказались от той части власти, которая может навлечь на них ненависть; оставив за собой право помилования, они поручили особым чиновникам наложение наказаний.

Мало было императоров, которые так ревниво оберегали бы свою власть, как Тиберий и Север; между тем ими управляли самым позорным образом: первым — Сеян, а вторым — Плавтиан.

Злополучный обычай проскрипций, введенный Суллой, продолжал действовать и при императорах. Чтобы отказаться от него, государь должен был бы быть в некоторой степени добродетельным, ибо его министры и фавориты, стремясь в первую очередь к конфискациям имущества граждан, говорили ему только о необходимости наказаний и об опасностях, связанных с милосердием.

Проскрипции Севера привели к тому, что многие из солдат -Нигера ушли к парфянам. Они научили их совершенствовать свое военное искусство, а именно: не только употреблять римское оружие, но и изготавливать его. Результатом было то, что эти народы, которые обычно ограничивались обороной, потом почти повсюду перешли в наступление.

Стоит отметить, что во время этих непрерывно продолжавшихся гражданских войн командиры европейских легионов почти всегда побеждали командиров азиатских легионов. Мы читаем в истории Севера, что он не мог взять в Аравии города Атра, потому что он принужден был воспользоваться сирийскими легионами ввиду мятежа, поднятого европейскими легионами.

Это различие стало заметно, когда начали набирать войска в провинциях; армии отличались между собой в такой же степени, как и сами народы, которые больше или меньше способны к войне, в зависимости от природы или воспитания.

Эти наборы, производившиеся в провинциях, приводили к другому результату: императоры, избиравшиеся обыкновенно из военных деятелей, были почти все иностранцы, а иногда и варвары. Римляне перестали быть владыками мира и были принуждены повиноваться законам всех народов.

Каждый император вводил что-либо из своей страны. Эти нововведения касались или поведения, или нравов, или государственного устройства, или богослужения. А Гелиогабал намеревался уничтожить все культы в Риме и вывезти богов из храмов, чтобы поставить там своего бога.

Не говоря о тайных божьих путях, известных только ему одному, можно считать, что эти нововведения сильно способствовали утверждению христианской религии, ибо жителям Римской империи ничто не казалось чуждым и все они были подготовлены к принятию тех обычаев, какие только пожелал бы ввести император.

Известно, что римляне приняли в свой город чужеземных богов; они их приняли как победители и носили их во время триумфов наравне с другими вещами. Но когда чужеземцы хотели ввести свое богослужение, против этого были приняты решительные меры. Кроме того, известно, что у римлян был обычай давать чужеземным богам имена тех своих богов, которые были больше всего похожи на них. Но когда чужеземные жрецы хотели побудить римлян почитать их богов под их собственными именами, им не позволили этого; это очень сильно препятствовало распространению христианской религии.

Каракаллу следует называть не тираном, но истребителем рода человеческого. Калигула, Нерон и Домициан проявляли свою жестокость только в Риме; Каракалла же терзал всю вселенную.

Север для накопления несметных сокровищ использовал незаконные поборы, взимавшиеся

в течение его долгого царствования, и проскрипции, которым подвергались приверженцы противной партии.

Каракалла, начав свое царствование собственноручным убийством своего брата — Геты, употребил свои сокровища для того, чтобы загладить свое преступление перед солдатами, любившими Гету и говорившими, что они присягали двум сыновьям Севера, а не одному.

Эти собранные государями сокровища почти всегда приводили к пагубным результатам. Слепленный ими наследник легко впадал в пороки; и если они не развращали его сердца, то развращали его ум. Он немедленно приступал к великим предприятиям, опираясь на власть, которая зависит от случая и не может быть длительной, которая носит неестественный характер и скорее искусственно раздута, чем увеличена по природе.

Каракалла прибавил жалование солдатам, Макрин писал сенату, что эта прибавка доходила до 70 миллионов драхм. Повидимому, последний приводит преувеличенные цифры. Если сравним расходы на жалование нашим солдатам с другими общенародными расходами и будем считать, что у римлян соблюдалась та же пропорция, то мы увидим, что эта сумма колоссальна.

Нужно исследовать, какое жалование получали римские солдаты. Орозий говорит, что Домициан увеличил это жалование на одну четверть. Из речи одного солдата у Тацита ²² видно, что ко времени смерти Августа это жалование равнялось 10 унциям меди. У Светония находим, что Цезарь удвоил жалование солдатам. Плиний говорит, что во вторую пуническую войну его уменьшили на одну пятую. Итак, оно состояло почти из 6 унций меди в первую пуническую войну; из 5 — во вторую пуническую войну; из 10 — при Цезаре; из 13 с третьей — при Домициане. Я намерен здесь продолжить некоторые рассуждения.

Когда республика расходовала маленькие суммы, вела каждый год войну и каждый год получала военную добычу, она легко могла платить жалование солдатам. Но в первую пуническую войну, когда она распространила силу своего оружия за пределы Италии, должна была вести длительную войну и содержать многочисленные армии, она не в состоянии была платить жалование солдатам, не входя в долги.

Во вторую пуническую войну жалование было сведено к 5 унциям меди; это уменьшение можно было произвести без риска в ту эпоху, когда большая часть граждан стыдилась брать жалование и хотела служить на свои средства.

Сокровища Персея и многих других царей, которые все время привозились в Рим, были причиной того, что перестали взимать подати. Поскольку разбогатели как отдельные граждане, так и все государство, было благоразумно не увеличивать жалования, равнявшегося 5 унциям в месяц.

Хотя известная часть этого жалования вычиталась за хлеб, одежду и оружие, его было достаточно для солдата, ибо на службу брали только имущих граждан.

Марий, принимая в армию людей, не имевших ничего, подал другим повод следовать его примеру, и Цезарь был принужден увеличить жалование.

Так как эта прибавка сохранялась и после смерти Цезаря, то при консулах Гирции и Пансе пришлось восстановить взимание податей.

Уступчивость Домициана, увеличившего жалование на одну четверть, нанесла громадный ущерб государству, для которого главное бедствие состоит не в роскоши, а в том, что люди, которые по природе вещей должны иметь только то, что необходимо для удовлетворения первых потребностей, живут не по средствам. Наконец, Каракалла, сделав новую прибавку, привел империю в такое состояние, что, не имея возможности существовать без солдат, она не могла существовать и с ними. Каракалла, желая смягчить ужасное впечатление, произведенное его братоубийством, возвел убитого в ранг богов. Удивительно то, что по отношению к нему точно так же поступил и Макрин, который после убийства Каракаллы, желая укротить гнев

преторианских солдат, приведенных в отчаяние смертью столь щедрого к ним государя, воздвиг ему храм и назначил фламинов в его честь. Это и было причиной того, что память его не была предана поруганию. Сенат, не осмеливаясь осудить его, не причислил его к тиранам, как он это сделал с Коммодом, который заслуживал этого не больше Каракаллы.

Адриан и Север — два великих императора, из которых один восстановил воинскую дисциплину, а другой ослабил ее. Результаты точно соответствовали причинам: цари, следовавшие за Адрианом, управляли благополучно и спокойно; но после Севера наступило ужасное замешательство.

Каракалла проявил безмерную щедрость по отношению к солдатам. Он точно следовал совету, который дал ему умирающий отец: обогащать солдат и не заботиться о других.

Но эта политика была хороша только для одного царствования, ибо наследник, не имевший возможности быть столь же щедрым, немедленно убивался солдатами. Таким образом, мудрые императоры убивались солдатами, а плохие погибали от заговоров или по постановлениям сената.

Когда тиран, опиравшийся на военных, оставлял граждан без защиты против их насилий и грабежей, то это могло продолжаться не дольше одного царствования; ибо солдаты, разоряя все время население, доходили до того, что сами себя лишали жалования. Поэтому следовало подумать о восстановлении военной дисциплины; но покушавшийся на такое мероприятие всегда терял при этом жизнь.

Когда Каракалла был убит по козням Макрина, солдаты, впавшие в отчаяние по случаю смерти столь щедрого к ним государя, выбрали императором Гелиогабала; когда последний, проводивший все свое время в гнусных оргиях, дал им полную волю, то они возненавидели его и убили. Точно так же они убили Александра, стремившегося восстановить дисциплину и грозившего им наказаниями.

Таким образом, тиран, который не столько старался сохранить свою жизнь, сколько беспрепятственно совершать преступления, погибал с тем печальным преимуществом, что преемник его, желавший поступать лучше, точно так же погибал после него.

После Александра был избран Максимин, который был первым императором варварского происхождения. Он выделялся громадным ростом и силой. Он был убит вместе с сыном своими солдатами. Два первых Гордиана погибли в Африке. Максим, Бальбин и третий Гордиан были зарезаны. Филипп, который убил молодого Гордиана, был сам убит вместе с сыном. Деций, выбранный императором на его место, в свою очередь погиб вследствие -измены Галла.

То, что называли Римской империей в этот век, было чем-то вроде неправильной республики, напоминавшей аристократию в Алжире, где войско, обладающее самодержавной властью, возводит на трон и низлагает чиновника, называемого деєм. Можно считать общим правилом, что военное правление в некоторых отношениях является скорее республикой, чем монархией.

Пусть не возражают, что солдаты принимали участие в правлении только своим неповиновением и своими возмущениями. Разве речи, которые держали перед ними императоры, не носили в конечном счете такого же характера, как те речи, с которыми некогда обращались к народам консулы и трибуны? Не распоряжались ли войска полновластно участью государства, хотя они не имели специального места для собраний, не соблюдали определенных форм и не всегда сохраняли хладнокровие, рассуждая мало и действуя много. Чем был император, как не министром правительства, учинявшего насилия и избранного солдатами в их специальных интересах?

Когда армия выбрала соправителем империи Филиппа, бывшего префектом претория при третьем Гордиане, последний потребовал, чтобы ему предоставили полную власть, — он не мог

получить ее; он обратился к армии с речью, предлагая предоставить обоим соправителям одинаковые права, — он не мог добиться этого; он униженно просил, чтобы ему оставили титул Цезаря, — ему было отказано и в этом; он хотел быть префектом претория, — его просьба была отвергнута; он, наконец, стал умолять о сохранении ему жизни. Армия пользовалась верховной властью, вынося эти различные решения.

Варвары, не известные сначала римлянам, потом стали им в тягость и, наконец, сделались страшными для них. По чрезвычайному стечению обстоятельств Рим так основательно уничтожил все народы, что когда он сам был побежден, то казалось, что земля произвела новых людей на его погибель.

Властители великих государств обыкновенно имеют мало соседних стран, которые могли бы стать объектом их честолюбия. Если бы они имели таких соседей, то покорили бы их силой своего оружия. Итак, границами таких государств служат моря, горы и обширные пустыни, скудость которых обеспечивает им безопасность. Поэтому римляне оставляли в покое германцев в их лесах и северные народы в их льдах; там сохранились или даже вновь образовались народы, которые, наконец, покорили самих римлян.

В царствование Галла многочисленные народы, ставшие потом знаменитыми, опустошили Европу. Персы, захватившие Сирию, отказались от завоеванных ими стран только для того, чтобы сохранить полученную ими добычу.

Толпы варваров, вышедших некогда с севера, теперь не появляются более. Насилия римлян заставили южные народы отступить к северу. Пока сохранялась сила, удерживавшая их в их границах, они оставались там; но когда она ослабела, они распространились повсюду. То же самое произошло спустя несколько веков. Завоевания Карла Великого и его притеснения заставили южные народы во второй раз отступить к северу; но как только его империя ослабела, они вторично переселились с севера на юг. Если бы теперь какой-либо государь произвел подобные же опустошения в Европе, народы, вытесненные к северу, к пределам вселенной, держались бы там стойко до того момента, когда бы они наводнили Европу и завоевали ее в третий раз.

Когда ужасный беспорядок, наступивший в империи, достиг своих крайних пределов к концу царствования Валериана и в течение правления его сына Галлиена, на сцену появилось тридцать различных претендентов; они по большей части взаимно уничтожили друг друга, процарствовав весьма короткое время, и были названы тиранами.

После взятия в плен персами Валериана его сын Галлиен не принял во внимание государственных соображений и позволил варварам распространиться повсюду; империя тогда находилась в таком же состоянии, в каком она очутилась почти век спустя на Западе. Она погибла бы уже тогда, если бы счастливое стечение обстоятельств не остановило ее гибели.

Князь Пальмиры Оденат, союзник римлян, прогнал персов, захвативших почти всю Азию. Войско, набранное в городе Риме из его граждан, удалило из него варваров, собиравшихся разграбить его. Громадная армия скифов, переправившаяся через море на 6 тысячах кораблей, погибла вследствие кораблекрушения, нужды, голода и самой своей многочисленности. После убийства Галлиена царствовали Клавдий, Аврелиан, Тацит и Проб — четыре великих государя, которые по счастливому стечению обстоятельств правили друг за другом и отвратили от империи неминуемую гибель.

ГЛАВА XVII Перемена в государстве

Для предупреждения непрерывных измен со стороны солдат императоры стали выбирать себе соправителей из лиц, к которым они питали доверие. Ссылаясь на обширность государственных дел, Домициан установил, что в империи всегда будет два императора и два цезаря. Он считал, что четыре главные армии, находившиеся под командованием лиц, правящих

империей, будут взаимно внушать страх друг другу, что другие армии, не имея сил сделать своего предводителя императором, постепенно отвыкнут от обычая выбирать его и что, наконец, поскольку достоинство цезаря будет всегда подчиненным, власть, разделенная между четырьмя правителями с целью обеспечения безопасности государства, будет находиться во всем своем объеме лишь в руках двоих.

Но еще больше сдерживало военных то обстоятельство, что вследствие сильного уменьшения богатства как частных лиц, так и государства императоры не могли больше так щедро вознаграждать солдат; так что вознаграждение не соответствовало больше опасностям, сопряженным с выбором нового императора.

Кроме того, префекты претория, которые по объему своей власти и по своей должности походили на великих визирей нашего времени и по своему произволу убивали императоров, чтобы занять их место, были значительно ослаблены Константином, который оставил за ними только отправление гражданских обязанностей и назначил вместо двух четырех.

Жизнь императоров начала становиться более безопасной; они могли умирать на своем ложе, и, казалось, это несколько смягчило нравы; они стали воздерживаться от кровопролитий. Но так как эта громадная власть должна была где-либо выступить из своих пределов, появился другой род тирании, не столь явный. Место смертных казней заняли несправедливые суды — формы правосудия, которые, невидимому, отдаляли смерть только для того, чтобы покрыть позором жизнь. Двор управлялся и управлял более **хитро**, с отменным искусством, в величайшем молчании. И, наконец, вместо дерзости при задумывании преступлений и стремительности при их выполнении воцарились пороки слабых душ, строго обдуманное преступление.

Установился новый род разврата. Первые императоры любили наслаждения, эти — изнеженность; они меньше вращались среди военных, они стали более праздными, больше слушались своих придворных, стали более привязаны к своим дворцам и меньше занимались делами империи.

Придворная зараза все усиливалась по мере того, как двор отстранялся от государственных дел; ничего не говорили прямо, но все намеками; подвергались гонению все, прославившиеся чем-либо; министры и военачальники должны были все время поступать по усмотрению людей такого рода, которые сами не могут служить государству, но не выносят, чтобы другие служили ему с честью.

Окончательно исчезла приветливость первых императоров, которая одна только давала им возможность знакомиться с делами. Государь узнавал обо всем из отчетов некоторых своих приближенных, которые, действуя по взаимному соглашению, хотя они часто притворно противоречили друг другу, на самом деле исполняли при нем должность одного.

Пребывание многочисленных императоров в Азии и их вечное соперничество с персидскими царями привели к тому, что они стали требовать такого же поклонения; Диоклетиан, а по словам других — Галерий, издал соответствующий эдикт.

Так привыкли к пышности и азиатскому великолепию, что когда Юлиан хотел вести себя просто и скромно, то стали называть забвением достоинства то, что на самом деле было воспоминанием о древних нравах.

Хотя после Марка Аврелия правили вместе многие императоры, империя не была разделена; поскольку провинция признавала авторитет их всех, это была единая власть, отправлявшаяся посредством многих.

Ввиду раздоров между Галерием и Констанцием Хлором империя была действительно разделена; вследствие этого примера, которому потом следовал Константин, принявший план Галерия, а не Диоклетиана, был введен этот обычай, который следует считать скорее

революцией, чем простой переменной.

Кроме того, желание основать новый город и тщеславное стремление дать ему свое имя побудили Константина перенести столицу империи на Восток. Хотя окрестность Рима была гораздо меньше, чем теперь, предвесья занимали большое пространство. Италия, полная вилл, была, собственно говоря, только садом Рима; в Сицилии, Африке и Египте были земледельцы, а в Италии — садовники; землю пахали почти исключительно рабы римских граждан. Но когда столица империи была перенесена на Восток, сюда переселился почти весь Рим. Вельможи перевели сюда своих рабов, т. е. почти весь народ, и Италия лишилась своих жителей.

Не желая, чтобы новый город уступал в чем-либо древнему, Константин постановил, чтобы в нем также производилась раздача хлеба, и приказал привозить зерно из Египта в Константинополь, а из Африки в Рим. Мне кажется, что это было не очень благоразумно.

Во время республики, когда римский народ господствовал над всеми другими, он, естественно, должен был получить свою долю при распределении даней; это было причиной того, что сенат сначала продавал ему хлеб по низким ценам, а потом стал раздавать бесплатно. Когда правительство стало монархическим, этот обычай сохранился, несмотря на то, что он противоречит принципам монархии. Не отказались от этого плохого обычая по причине затруднений, которые могли произойти в случае его отмены. Но Константин, основывая новый город, установил его без всяких разумных оснований.

Когда Август завоевал Египет, он привез в Рим сокровища Птолемея; это произвело почти такую же революцию, какую потом произвело в Европе открытие Америки и какую в наше время произвели некоторые системы. Ценность денег упала наполовину. И так как Рим по-прежнему привлекал к себе сокровища Александрии, которая в свою очередь получала их из Африки и с Востока, то золото и серебро в большом количестве распространились по Европе; это дало возможность народам выплачивать очень большие налоги в звонкой монете.

Но когда империя была разделена, эти сокровища перешли в Константинополь. Впрочем, известно, что рудники в Германии тогда еще не были открыты, что их было очень мало в Италии и в Галлии и что рудники в Испании после карфагенян не разрабатывались или по крайней мере не были столь обильны металлами, как прежде. Италия, имевшая только запущенные сады, никоим образом не могла привлечь к себе деньги с Востока, между тем как Запад для получения товаров оттуда все время посылал туда свои. Таким образом, золото и серебро стали чрезвычайно редки в Европе; но императоры хотели получать те же налоги, и это погубило все.

Когда правительство имеет издавна установленную форму и дела приведены в известный порядок, то почти всегда благоразумие предписывает нам оставить все по-прежнему; ибо причины, часто сложные и неизвестные, приведшие к такому положению вещей, продолжают действовать и теперь. Но когда система меняется целиком, то можно предотвратить только затруднения, представляющиеся в теории, но оставляют нетронутыми те, которые обнаруживаются только на практике.

Итак, хотя империя была очень велика, однако разделение привело ее к гибели; ибо все части этого огромного тела, существовавшие издавна вместе, приноровились, так сказать, друг к другу в такой степени, что оставались в одном состоянии и зависели друг от друга.

Константин, ослабив столицу, нанес удар и пограничным областям; он отвел легионы, расположенные по берегам великих рек, и разместил их в провинциях. Это привело к двум плохим результатам: во-первых, была снята преграда, сдерживавшая столько племен; во-вторых, солдаты, присутствуя постоянно в цирках и театрах, стали расслабленными.

Когда Константин послал Юлиана в Галлию, тот нашел, что 50 городов по Рейну были взяты варварами, что провинции были разорены огнем и мечом, что там оставалась только тень

римской армии, которая обращалась в бегство при одном лишь имени неприятеля.

Константин своей мудростью, своим постоянством, своей бережливостью, своим поведением, своей храбростью и непрерывным рядом героических действий прогнал варваров; страх, который внушало им его имя, сдерживал их; цока он жил.

Кратковременность царствований, различные политические партии, различные религии, особые секты этих религий были причиной того, что мы имеем совершенно неправильное представление о характере этих императоров. Я приведу только два примера: Александр, столь трусливый у Геродиана, очень мужествен у Лампридия; Грациан, столь восхваляемый правоверными, сравнивается Филосторгием с Нероном.

Валентиниан понял лучше всех необходимость проведения в жизнь старого плана; он употребил всю свою жизнь на укрепление рейнских берегов, на набор там войск, на строение замков, на размещение там войск и изыскание способов к их содержанию. Но в мире произошло такое событие, которое заставило его брата Валента открыть Дунай, что привело к ужасным последствиям.

В стране, лежащей между Азовским морем, Кавказскими горами и Каспийским морем, жили многочисленные народы по большей части гуннского или аланского происхождения; их земли были очень плодородны; они любили войну и грабежи; они почти все время проводили на конях или в повозках и скитались по стране, из которой не могли выйти. Они, правда, произвели некоторые опустошения в Персии и Армении, но Каспийские ворота легко охранялись, а по другим дорогам они могли проникнуть в Персию лишь с трудом. Так как они не представляли себе, что возможно переправиться через Азовское море, то римляне были им неизвестны; и между тем как другие варварские народы разоряли империю, они оставались в границах, предписанных им их невежеством.

Некоторые рассказывают, что ил, нанесенный Доном, образовал нечто вроде коры по Киммерийскому Босфору, по которой они переправились. Другие говорят, что два молодых скифа, преследуя лань, перешедшую этот морской рукав, перешли его также вслед за нею. Они были изумлены, увидев новый свет; возвратившись домой, они рассказали своим соотечественникам о новых землях и, если можно так выразиться, об открытии ими Америки.

Тотчас же двинулись несметные орды гуннов; встретив готов первыми, они погнали их перед собой. Казалось, что эти племена хлынули друг на друга и что Азия, давя на Европу, стала еще тяжелее.

Устрашенные готы пришли к дунайским берегам и униженно просили убежища. Лъстецы Валента воспользовались этим поводом и представили ему это событие как возможность счастливого покорения нового народа, который будет защищать и обогащать империю.

Валент приказал пропустить их без оружия; но чиновники его за деньги разрешили им взять сколько угодно оружия. Он дал им земли, но готы в отличие от гуннов не занимались земледелием; их лишили обещанного им хлеба; они умирали с голоду, находясь в богатой стране; они были вооружены и терпели несправедливости. Они опустошили всю страну от Дуная до Босфора, погубили Валента с его армией и перешли обратно Дунай только для того, чтобы оставить опустошенную ими окончательно страну.

ГЛАВА XVIII Новые меры, принятые римлянами

Иногда трусость императора, а часто слабость империи были причиной того, что стремились при помощи денег склонить к миру народы, угрожавшие напасть на империю. Но мир нельзя купить, ибо продавший его тем более в состоянии еще раз заставить купить его.

Лучше подвергнуть себя риску несчастной войны, чем покупать мир за деньги; ибо всегда уважают такого государя, о котором известно, что его можно победить лишь после долгого сопротивления.

Впрочем, эти денежные награды превращались в дань; добровольные вначале, они потом стали принудительными; они рассматривались как приобретенные права; когда император отказывался давать их какому-либо народу или хотел дать меньше, тот становился его смертельным врагом. Вот некоторые из тысячи примеров: армия Юлиана, выступавшая против персов, подверглась при своем отступлении преследованию со стороны арабов, которым он отказался платить обычную дань; вскоре после того, в царствование Валентиниана, аллеманы, которым предложили менее ценные подарки', чем обычно, пришли в негодование; и эти северные народы, уже зараженные понятием соблюдения чести, отомстили за эту мнимую обиду жестокой войной.

Все эти племена, окружавшие империю в Европе и Азии, мало-помалу истощили все сокровища римлян; подобно тому как римляне стали могущественными, потому что к ним перешли золото и серебро всех царей, они ослабели, когда их золото и серебро перешли к другим.

Ошибки, которые делают государственные деятели, не всегда зависят от их воли; часто они являются неизбежным следствием того положения, в каком мы находимся; и одни затруднения влекут за собой другие.

Войско, как мы уже видели, стало тяжелой обузой для государства. Солдаты получали тройного рода вознаграждение: обыкновенное жалование, награждения после окончания службы и случайные дары, которые очень часто превращались в права для людей, распорядившихся народом и государем.

Невозможность содержать столь дорогое войско привела к тому, что стали набирать менее дорогое. Заключали договоры с варварскими племенами, которые не привыкли к роскошной жизни римских солдат, имели другие склонности и предъявляли другие требования.

К этому присоединялось и другое преимущество: так как варвары неожиданно нападали на страну, не делая никаких приготовлений после принятия решения о выступлении, то трудно было в провинциях производить наборы вовремя; поэтому для оказания отпора врагу набирали другой отряд из варваров, которые всегда готовы были получать деньги, грабить и сражаться. Ими пользовались для данного момента; но усмирять эти варварские отряды потом стоило такого же труда, как покорять врагов.

Первые римляне всегда старались, чтобы их войско было многочисленнее вспомогательного. Хотя их союзники были их подданными, однако они не хотели иметь подданными народы, более воинственные, чем они сами.

Но в последнее время они не только перестали соблюдать эту пропорцию по отношению к вспомогательным войскам, но наполнили варварскими солдатами свои собственные войска. Они, таким образом, ввели обычаи, совершенно противоречащие тем, благодаря которым они стали владыками мира. В то время как раньше постоянная политика римлян состояла в том, чтобы сохранить за собой военное искусство и лишить его всех своих соседей, они теперь уничтожили его у себя и вводили его среди других народов.

Кратко вот в чем заключается история Рима. Римляне победили все народы благодаря своим принципам; но когда они выполнили свое намерение, то оказалось, что республика не могла больше существовать. Следовало переменить образ правления; и когда при новом правлении стали применять принципы, противоречившие предыдущим, то они привели к падению величия Рима.

Миром управляет не фортуна; доказательством этому служат римляне, дела которых все время кончались благополучно, пока они управлялись по известному плану, но которые стали непрерывно терпеть поражения, когда начали поступать другим образом. Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии,

возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, т. е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала.

Мы видим, что около двух веков датские войска почти всегда терпят поражения в битвах со шведами. Независимо от храбрости обеих наций и от случайностей войны в датском военном или гражданском управлении должен существовать какой-то внутренний порок, который производит это действие. Я думаю, что его нетрудно открыть.

Римляне потеряли, наконец, свою военную дисциплину; они также отказались от своего собственного оружия. Вегеций говорит, что солдаты, считая свое оружие слишком тяжелым, получили от императора Грациана разрешение оставить латы, а затем и шлем. Таким образом, не имея защиты от ударов, они находили себе спасение только в бегстве.

Он прибавляет, что у них вышел из употребления обычай укреплять свои лагери; вследствие этой небрежности их армии часто брались в плен кавалерией варваров.

Первые римляне имели немногочисленную кавалерию: она составляла только одиннадцатую часть легиона, а часто даже и меньше. Возбуждает удивление, что они имели гораздо меньше кавалерии, чем мы, а между тем нам приходится осаждать столько городов, где она почти бесполезна. Когда римляне пришли в состояние упадка, они имели почти одну только кавалерию. Мне кажется, чем искуснее народ в военном деле, тем больше он пользуется пехотой, и обратно, чем он менее искусен, тем больше он увеличивает свою кавалерию, ибо без военной дисциплины тяжелая или легкая пехота ничего не стоит. Но кавалерия действует всегда, даже при беспорядке. Ее действие состоит больше в стремительности и в некотором ударе; действие же пехоты в сопротивлении и известной неподвижности, так что оно скорее противодействие, чем действие. И, наконец, сила кавалерии носит мгновенный характер, пехота же действует долговременно; но она должна быть подчинена дисциплине, чтобы могла действовать долго.

Римляне сделали повелителями всех народов не только благодаря своему военному искусству, но и благодаря своему благоразумию, своей мудрости, своему постоянству, своей любви к славе и к отечеству. Когда при императорах все эти добродетели исчезли, у них сохранилось военное искусство, благодаря которому они удержали все завоеванные ими земли, несмотря на слабость и тиранию их государей; но когда разложилось и войско, римляне стали добычей всех народов.

Империя, основанная на силе оружия, должна и сохранять ее посредством оружия. Но когда в государстве происходят замешательства, никто не представляет себе, как они могут быть прекращены; точно так же, когда оно наслаждается миром и внушает страх благодаря своему могуществу, никому не приходит в голову, что все это может прекратиться; таким образом, государство, которое ничего не ожидает от войска и испытывает по его поводу только опасения, оставляет его без внимания, а часто даже старается ослабить его.

Первые римляне считали непреложным правилом, что солдат, оставивший свой пост или бросивший свое оружие в сражении, подвергается смертной казни. Юлиан и Валентиниан восстановили старые наказания за эти преступления. Но нанимавшиеся римлянами варвары, привыкшие воевать по образцу современных татар, т. е. убегать, чтобы еще биться, думать больше о добыче, чем о чести, неспособны были выносить такую дисциплину.

Дисциплина первых римлян была такая строгая, что генералы осуждали на смерть своих детей, одерживавших победу вопреки их приказу. Но когда римляне смешались с варварами, то они заразились от них духом независимости, свойственным этим народам. Когда мы читаем о

войнах Велизария против готов, то мы видим, что офицеры почти никогда не слушались своих генералов.

Сулла и Серторий, ведя самые жестокие гражданские войны, предпочитали погибнуть, чем совершить такое действие, из которого мог бы извлечь пользу Митридат. Но в последующие времена, когда какой-либо министр или вельможа находил, что для удовлетворения его алчности, его мщения или честолюбия не бесполезно будет впустить варваров в империю, то он предавал ее им на поток и разграбление.

Чем больше слабеет государство, тем более оно нуждается в податях; таким образом, чем меньше население было в состоянии вносить налоги, тем больше приходилось их увеличивать, и вскоре в римских провинциях подати стали невыносимы.

У Сальвиана мы читаем об ужасных вымогательствах, которым подвергались народы. Граждане, угнетаемые откупщиками, не имели другого выхода, как убежать к варварам или продавать свою свободу первому, желавшему купить ее.

В истории нашей Франции это объясняет, почему галлы так терпеливо выносили революцию, которая должна была установить тягостное различие между знатными и простонародьем. Варвары, превращая столько граждан в крепостных, т. е. прикрепляя их к земле, не ввели ничего такого, чего не делали бы с жестокостью еще раньше их.

ГЛАВА XIX

1. Величие Агилы. — 2. Причины поселения варваров.— 3. Почему первой была разбита Западная империя

Так как в период ослабления империи христианская религия усиливалась, то христиане упрекали язычников в этом упадке, а язычники возлагали всю вину на христианскую религию. Христиане говорили, что Диоклетиан погубил империю, сделав трех своих товарищей соправителями; каждый император хотел жить столь же роскошно и содержать такие же сильные армии, как если бы он был один. Так как число получающих доходы превысило число платящих налоги, тяготы стали невыносимы, земли были брошены пахарями и превратились в леса. Так говорили христиане. Язычники же, напротив, все время бранили новое богослужение, неслыханное до тех пор; подобно тому как в эпоху расцвета Рима разливы Тибра и другие природные бедствия приписывали гневу богов, так теперь в умирающем Риме вину за все несчастья возлагали на новое богослужение и ниспровержение древних алтарей.

Городской префект Симмах в письмах, обращенных к императорам по поводу алтаря победы, привел против христианской религии следующие общедоступные доводы, которые именно поэтому были наиболее убедительны.

«Какая вещь,— писал он,— может лучше привести нас к познанию богов, чем учение, почерпнутое из наших прошлых успехов? Взвешивая на множество протекших веков, мы должны сохранить им верность и следовать нашим отцам, подобно тому как они благополучно следовали своим. Вообразите себе, что Рим говорит вам так: «Великие государи, отцы отечества, уважайте мои годы, в течение которых я всегда соблюдал обряды моих предков; этот культ подчинил вселенную моим законам; эти святыни отогнали от наших стен Ганнибала, а галлов от Капитолия». Мы просим мира ради богов отечества, мы просим его ради туземных богов. Мы не вступаем в споры, которые приличествуют только праздным людям. Мы приносим мольбы, а не вызываем на бой».

Три знаменитых автора ответили Симмаху. Орозий составил свою историю, чтобы показать, что в мире всегда были такие великие бедствия, на какие тогда жаловались язычники. Сальвиан написал свое сочинение, где он доказывал, что безнравственность христиан была причиной опустошений, причиненных варварами. А святой Августин²³ показал, что град божий отличается от града земного, где древние римляне за некоторые человеческие добродетели

получили столь же суетные воздаяния, как сами эти добродетели.

Мы говорили, что в первое время политика римлян состояла в том, чтобы разделять все те державы, которые стояли на их пути; впоследствии они не могли добиться этого. Римлянам пришлось спокойно взирать, как Аттила покорил все северные племена; он распространил свою державу от Дуная до Рейна, разрушил все укрепления и все сооружения, построенные у этих рек, и наложил дань на обе империи.

«Феодосии,— говорил он дерзко,— сын благородного отца так же, как и я; но, платя мне дань, он лишился своего благородства и стал моим рабом; ему не приличествует строить козни против своего господина, подобно коварному рабу».

«Императору не подобает,— говорит он по другому поводу,— быть лжецом. Он обещал одному из моих подданных выдать за него замуж дочь Сатурнилы; если он не хочет сдержать свое слово, я ему объявляю войну; если же он не может и находится в таком положении, что его приказания не ставятся ни во что, я приду к нему на помощь».

Не следует думать, что Аттила пощадил римлян благодаря своей умеренности; он следовал нравам своего народа, которые влекли его к тому, чтобы налагать на народы дань, а не к тому, чтобы включать их земли в свое государство. Этот государь — в своем деревянном доме, как его изображает Приск, — владыка всех варварских племен, а некоторым образом и почти всех цивилизованных народов, был одним из великих монархов, о которых упоминает история.

При его дворе находились послы от восточных и западных римлян, которые получали от него законы или умоляли его о милости. Иногда он требовал, чтобы ему вернули гуннских перебежчиков или бежавших римских рабов; иногда он желал, чтобы ему выдали какого-либо министра императора. Он наложил на Восточную Римскую империю дань в 2 тысячи 100 фунтов золота. Он посылал в Константинополь тех, кого он желал вознаградить, с тем чтобы они могли обогащаться, обращая в свою пользу страх, который он внушал римлянам.

Его подданные боялись его, но, кажется, не ненавидели. Чрезвычайно гордый, но в то же время хитрый, яростный в гневе, но умеющий прощать или откладывать наказание соответственно своим интересам, он никогда не объявлял войны, когда мир мог ему дать такие же выгоды. Ему верно служили даже те цари, которые от него зависели. Он один сохранял старинную простоту гуннских нравов. Впрочем, трудно хвалить храбрость вождя народа там, где дети приходили в исступление при рассказах о военных подвигах отцов, а отцы проливали слезы по поводу того, что они не могут подражать своим детям.

После смерти Аттилы все варварские народы вновь разделились, но римляне были так слабы, что им мог вредить даже самый маленький народ.

Империю погубило не какое-либо определенное нашествие, но все нашествия вместе. После общего нашествия при Галле Рим как будто был восстановлен, потому что не потерял территории: но мало-помалу он приближался к своему падению, рухнув при Аркадии и Гонории.

Напрасно прогнали варваров обратно в их страну; они бы сами вернулись туда, чтобы добиться безопасности для своей добычи. Тщетно их истребили: города уже были разорены, деревни сожжены, семейства убиты или рассеяны.

Когда одна провинция бывала разорена, варвары, не находя в ней ничего, переходили в другую. Сначала разорили только Фракию, Мезию, Паннонию; когда эти страны были опустошены, такой же участи подверглись Македония, Фессалия, Греция; оттуда перешли в страну нориков. Империя, т. е. обитаемая область, все больше сужалась, и Италия стала пограничной страной.

Причина, по которой варвары не поселились в империи уже при Галле и Галлиене, состояла в том, что у них было еще что грабить.

Таким же образом, когда норманны, уподобившиеся завоевателям империи, в течение нескольких веков разоряли Францию, то, не найдя в ней больше ничего, что можно было бы взять, они заняли совершенно разоренную провинцию и разделили ее между собой.

Скифия в это время была почти опустошена, так что народы часто терпели голод. Они получали пропитание отчасти благодаря торговле с римлянами, которые привозили им жизненные припасы из соседних провинций, расположенных по Дунаю. Варвары давали в обмен награбленные ими вещи, захваченных пленников, золото и серебро, полученные ими как выкуп за мир. Но когда уплачиваемая им дань стала недостаточной для того, чтобы они могли существовать, они переселились в империю.

Западная империя пала первой. Причины этого следующие.

Варвары, перейдя через Дунай, имели по левую сторону Босфор, Константинополь и все военные силы Восточной империи, которые их остановили; вследствие этого они повернули на правую сторону, к Иллирии, и продвинулись к западу. С той стороны переселялись народы подобно морскому отливу. Поскольку азиатские проходы охранялись лучше, все обратилось к Европе; во время же первого нашествия при Галле силы варваров были раздроблены.

Когда империя была действительно разделена, то восточные императоры, заключившие союзы с варварами, не хотели их нарушить, чтобы помочь западным. Это разделение управления, говорит Приск, оказалось очень вредным для Западной империи. Восточные римляне отказались предоставить свое морское войско западным римлянам, ввиду того что они были в союзе с вандалами. Вестготы, заключив союз с Аркадием, напали на Запад, и Гонорий принужден был бежать в Равенну. Напоследок Зенон, чтобы отделаться от Теодориха, убедил его напасть на Италию, разоренную уже Аларихом. Между Атилией и Гензерихом, царем вандалов, существовал очень тесный союз. Последний боялся готов, он женил своего сына на дочери готского царя, а потом, отрезав ей нос, отослал ее обратно. Опасаясь мщения, он заключил союз с Атилией. Обе империи, как будто скованные этими двумя государями, не осмеливались помогать друг другу. Особенно печально было положение Западной империи: она не имела морских сил; они все находились на Востоке, в Египте, на Кипре, в Финикии, Ионии и в Греции — единственных странах, которые тогда занимались торговлей. Вандалы и другие народы со всех сторон нападали на берега Западной империи. Итальянцы отправили посольство в Константинополь, говорит Приск, чтобы дать знать, что без примирения с вандалами нет никакой надежды на спасение.

Правители Запада не лишены были политической мудрости. Они считали, что нужно спасти Италию, которая была некоторым образом головой и сердцем империи. Заставили варваров перейти к границам империи, где их разместили. План был хорошо задуман и хорошо выполнен. Эти народы искали только пропитания, им дали равнины, по сохранили для себя горные области, проходы через реки, ущелья, укрепления, расположенные по великим рекам; удержали за собой верховную власть. Казалось, что эти народы принуждены были стать римлянами; легкость, с которой эти разрушители сами были погублены франками, греками и маврами, показывает справедливость этой мысли. Вся эта система была опрокинута революцией, имевшей более роковые последствия, чем все остальные. Итальянская армия, состоящая из чужеземцев, потребовала для себя того, что было предоставлено чужеземным народностям. Она образовала при Одоакре аристократию, которая захватила треть итальянских земель. То был смертельный удар, нанесенный империи. '

Мы с грустным любопытством следим за судьбой Рима среди стольких несчастий. Он, так сказать, остался без защиты; он мог быть легко взят измором; большая протяженность его стен была причиной того, что их было очень трудно охранять. Так как он был расположен на равнине, то его легко можно было взять приступом; нельзя было искать помощи в народе, так

как население очень сильно уменьшилось. Императоры принуждены были жить в Равенне — в городе, который некогда был защищен морем, подобно тому как теперь Венеция.

Римский народ, почти всегда оставлявшийся своими государями, стал сам управлять собой и заключать договоры в целях своего сохранения. Это наиболее законное средство приобретения верховной власти. Таким образом Арморика и Британия начали жить по своим собственным законам.

Таков был конец Западной империи. Рим возвысился благодаря тому, что он всегда вел одну войну вслед за другой; ибо, к его несказанному счастью, один народ начинал с ним войну тогда, когда другой уже был побежден. Рим был разрушен потому, что все народы сразу напали на него и растерзали его на части.

ГЛАВА XX 1. О победах Юстиниана ²⁴. — 2. О его правлении

Так как все эти народы вступали в империю как попало, то они стесняли друг друга; вся политика этого времени состояла в том, чтобы натравливать их друг на друга, что было легко ввиду их свирепости и алчности. Они по большей части погубили друг друга прежде, чем могли утвердиться. Это было причиной того, что Восточная империя просуществовала еще некоторое время.

Кроме того, изнуренный Север не мог больше высылать бесчисленные армии, как это было раньше, ибо после первых нашествий вестготов и гуннов, особенно после смерти Атиллы, эти и последовавшие за ними народы наступали с меньшими силами.

Когда эти племена, действовавшие совместными силами, рассеялись по разным народам, они сильно ослабели. Распространившись по завоеванным ими странам, они сами стали подвергаться нападениям.

При этих обстоятельствах Юстиниан решил вновь покорить Африку и Италию и сделать то, что наши французы выполнили так же успешно по отношению к вестготам, бургундам, лангобардам и сарацинам.

Когда христианская религия распространилась среди варваров, в империи господствовала арианская секта. Валент послал к варварам арианских священников, которые стали их первыми апостолами. Но за время, протекшее между их обращением и поселением в империи, эта секта была истреблена среди римлян. Варвары — последователи арианской ереси не могли снискать расположения жителей страны, которые все были правоверными; и императорам было нетрудно их возмутить.

Кроме того, эти варвары, не обладая искусством осады городов и не имея способности к этому, будучи еще менее расположены защищать их, не считали нужным укреплять разваливавшиеся стены. Прокопий пишет, что Велизарий нашел итальянские города в подобном состоянии. В Африке города лишились защищавших их стен по повелению Гензериха, а в Испании они были приведены в такое состояние Витисой, который думал таким образом лучше удержать их жителей в повиновении.

Большинство северных народов, поселившихся в южных странах, стали изнеженными и неспособными выносить военные трудности. Вандалы утопали в роскоши; они так привыкли к изысканным кушаньям, мягким одеждам, баням, музыке, танцам, садам и театрам, что не могли без них обойтись.

Как говорит Малх, они не причиняли больше тревоги римлянам с тех пор, как они перестали доставлять Гензериху армии, которые он держал везде наготове, с которыми он предупреждал нападения своих врагов и поражал весь мир быстротой своих походов.

Римская кавалерия очень хорошо стреляла из лука; но готы и вандалы употребляли только меч и копье и не могли сражаться издали. Этой разнице Велизарий приписывал часть своих успехов.

Римляне, особенно при Юстиниане, извлекли большую пользу из гуннских народов, от которых произошли парфяне и которые бились так же, как они. Поражение Аттилы и разделы его владений, произведенные его многочисленными детьми, привели к падению могущества гуннов; с тех пор они стали доставлять римлянам вспомогательные войска, из которых образовалась их лучшая кавалерия.

Каждое варварское племя отличалось от других по своему способу сражаться и вооружаться. Готы и вандалы были страшны с мечом в руках, гунны замечательно стреляли из лука; свевы были хорошими пехотинцами; аланы служили в тяжелой пехоте, а герулы — в легкой. Римляне, когда этого требовали обстоятельства, брали различные отряды из всех этих племен и сражались с одним народом, имея преимущества всех других.

Удивительно, что наиболее слабые племена распространились по самым обширным областям; мы сильно ошибемся, если будем судить об их силах по их завоеваниям. В течение долгого времени, когда производились эти набеги, варварские народы, или, скорее, толпы, отделившиеся от них, все истребляли или же сами подвергались истреблению. Все зависело от обстоятельств, какое-либо великое племя могло быть разбито или задержано, а шайка авантюристов, напав на открытую страну, причиняла ужасные разрушения. Готы, оружие которых ставило их в невыгодное положение по отношению ко многим народностям, утвердились в Италии, Галлии и Испании; вандалы, покинув Испанию ввиду своей слабости, переправились в Африку, где основали великую империю.

^ Юстиниан мог снарядить против вандалов лишь 50 кораблей. Когда Велизарий высадился на берег, он имел не более 5 тысяч солдат. Это было очень смелое предприятие. Лев, пославший некогда против вестготов флот, состоявший из собранных на всем Востоке кораблей, не покорил Африки и чуть не лишился своего государства.

Сильные флоты никогда не имели успеха, так же как и великие сухопутные армии. Они обыкновенно истощают государство, если поход продолжительный; если с ними случится какое-либо несчастье, то им нельзя помочь или поправить их положение; если погибает часть, то оставшееся ничего не стоит, потому что военные корабли, транспортные суда, кавалерия, пехота, боевые припасы и, наконец, различные части необходимы для того, чтобы флот мог действовать как целое. Медлительность предприятия дает всегда возможность неприятелю подготовиться, кроме того, редко можно выступить в поход в удобное время года; он часто начинается в период сильных бурь, ибо такое множество вещей почти всегда бывает готово на несколько месяцев позже того срока, который первоначально ставили себе.

Велизарий вступил в Африку. Его успеху сильно способствовало то, что он получил из Сицилии большое количество съестных припасов благодаря договору, заключенному им с готской царицей Амаласонтой. Когда он был послан для нападения на Италию, то он начал с покорения Сицилии, откуда готы получали почти весь свой хлеб; его враги терпели голод, в то время, как он имел в изобилии все нужное ему.

Велизарий взял Карфаген, Рим и Равенну; он послал нескольких пленных готских и вандальских царей в Константинополь, где были возобновлены древние триумфы по истечении столь долгого времени.

Причины его успехов можно найти в достоинствах этого великого мужа. Под предводительством генерала, действовавшего по правилам первых римлян, сформировалась армия, не уступавшая по своим боевым качествам древним римским армиям.

Великие добродетели обычно скрываются или теряются при рабстве; но тираническое правление Юстиниана не могло затмить величия души Велизария и превосходства его гения.

Евнух Нарсес содействовал также возвеличению царствования Юстиниана. Будучи воспитан во дворце, он пользовался большим доверием императора, ибо государи всегда

считают своих придворных своими наиболее верными подданными.

Но дурное правление Юстиниана — его расточительность, притеснения, вымогательства, неистовое стремление к строительству, переменам, преобразованиям, — жестокое и слабое правление, ставшее еще более тягостным вследствие его продолжительной старости, составляло действительное бедствие, смешанное с бесполезными успехами и суетной славой.

Эти завоевания, ставившие себе целью не силу империи, но некоторые частные интересы, погубили все. Между тем как армии были заняты покорением разных стран, новые пароды переправились через Дунай, опустошили Иллирию, Македонию и Грецию, а персы произвели четыре нашествия и нанесли Востоку неизлечимые раны.

Чем скорее были сделаны завоевания, тем менее прочными они были. Едва только были покорены Италия и Африка, как пришлось вновь завоевывать их.

Юстиниан взял жену, которая за время своего долговременного пребывания в театре привыкла к разврату; она имела над Юстинианом такую власть, примера которой нет в истории. Она беспрестанно вмешивалась в дела и направляла их согласно страстям и прихотям своего пола; она уничтожила плоды самых счастливых успехов и побед.

На Востоке во все времена брали много жен, чтобы лишить их той удивительной власти, которую они имеют над нами в странах нашего климата. Но в Константинополе закон, запрещавший иметь больше одной жены, вручил власть этому полу; вследствие этого правление становилось иногда слабым.

Народ в Константинополе всегда делился на две партии; «синих» и «зеленых»; они вели свое происхождение от большего или меньшего пристрастия зрителей театра к известным актерам. На конских ристалищах возницы, одетые в зеленое платье, оспаривали призы у тех, кто был одет в синее платье. Каждый из зрителей принимал в этом горячее участие.

Эти две партии, распространившиеся по всем городам империи, неистово выступали друг против друга в зависимости от величины городов, т. е. от праздности значительной части народа.

Но раздоры, служащие всегда утверждению республиканского правления, вредны для монархического правления, потому что они приводят только к смене государей, а не к утверждению законов и прекращению злоупотреблений.

Юстиниан, покровительствовавший «-синим» и отказывавший во всяком правосудии «зеленым», ожесточил друг против друга обе партии и таким образом усилил их. Они дошли до того, что стали отрицать власть магистратов. «Синие» не повиновались законам, потому что император защищал их от действий этих законов; «зеленые» перестали их уважать, потому что законы не могли их больше защищать.

Все узы дружбы, родства, долга, признательности были разорваны; семья восстала против семьи. Всякий преступник, собиравшийся совершить преступление, присоединялся к партии «синих»; всякий же ограбленный или убитый оказывался из партии «зеленых».

Это неблагоразумное правление еще в большей степени было жестоким. Император, не довольствуясь тем, что он совершал общую несправедливость, истощая своих подданных непосильными налогами, терзал их еще всякого рода тираническими поступками, вмешиваясь в их частные дела.

Я по своей природе не склонен доверять всему тому, что нам сообщает Проклюпий в своей «Тайной истории», потому что пышные похвалы, которые он расточает Юстиниану в своих других сочинениях, ослабляют его свидетельство в указанном сочинении, где он рисует Юстиниана как самого глупого, жестокого тирана.

Но я признаюсь, что два обстоятельства склоняют меня отдать предпочтение «Тайной истории». Первое состоит в том, что она лучше согласуется с удивительной слабостью, в

которой находилась империя к концу царствования Юстиниана и в правление его преемников.

Второе заключается в памятнике, который сохранился до сих пор. Это законы императора, из которых видно, что юриспруденция в течение нескольких лет испытала больше перемен, чем за последние 300 лет нашей монархии.

Эти перемены относятся большею частью к столь незначительным вещам, что мы не видим никаких соображений, которые могли бы побудить законодателя произвести их, если только не объяснять их «Тайной историей», которая говорит нам, что при этом государе как суды, так и законы были одинаково продажны.

Но больше всего повредил политическому положению правительства проект, задуманный государем и состоявший в том, чтобы привести всех людей к одному мнению по религиозным вопросам при таких обстоятельствах, которые делали его религиозное рвение совершенно безрассудным.

Древние римляне укрепили свою империю, предоставив свободу всем культам; но потом империя была обращена в ничто вследствие того, что всякую не господствовавшую секту запрещали.

Эти секты охватывали целые народы. Одни после того, как были покорены римлянами, сохранили свою древнюю религию: таковы были самаритяне и иудеи. Другие распространились в одной какой-либо стране: так обстояло дело с последователями Монтана во Фригии; манихейцы, саббатеяне и ариане распространились по другим провинциям. Кроме того, значительная часть населения состояла из идолопоклонников, упорно придерживавшихся религии, столь же грубой, как они сами.

Юстиниан, уничтожая эти секты мечом и силою законов, вызвал возмущение против себя; это в свою очередь принудило его истребить их окончательно, вследствие чего провинции пришли в запустение. Он хотел увеличить число правоверных; вместо этого он лишь уменьшил число людей.

Прокопий сообщает нам, что вследствие истребления самаритян опустела Палестина. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что вследствие излишнего усердия к религии ослабили ту часть империи, через которую после нескольких царствований проникли арабы, чтобы погубить ее.

Особенно усиливало замешательство то обстоятельство, что император, несмотря на всю свою нетерпимость в делах веры, не был согласен с императрицей по наиболее важным пунктам: он придерживался постановлений Халкедонского собора, императрица же покровительствовала противникам этого собора. Евагр говорит, что неизвестно, думали ли они так в самом деле или же поступали так вследствие глубоко обдуманного намерения.

Когда мы читаем у Прокопия о постройках Юстиниана и об укреплениях, воздвигнутых им повсюду, можно думать, что государство находилось в цветущем состоянии.

Сначала римляне не имели укрепленных мест. Они возлагали все свои надежды на армии, которые они размещали по берегам рек, где на известных расстояниях друг от друга были построены башни, служившие жилищами для солдат.

Но когда остались только плохие войска — часто не оставалось даже никакого войска, — граница перестала защищать внутренние области империи; пришлось приступить к ее укреплению. Тогда получилось больше укрепленных мест, но меньше сил, больше убежищ, но меньше безопасности. Построены были повсюду также укрепления для защиты сельского населения от неприятельских нападений. Империя находилась в таком же положении, как Франция в эпоху норманнов, которая никогда не была так слаба, как в тот период, когда все ее деревни были окружены стенами.

Таким образом, все списки укрепленных мест, построенных Юстинианом, которые

занимают у Прокопия целые страницы, являются только памятниками слабости империи.

ГЛАВА XXI Беспорядки в Восточной империи

В это время персы находились в лучшем положении, чем римляне. Они мало опасались гуннов, потому что их отделяла от них часть гор Тавра, расположенная между Каспийским и Черным морями; кроме того, они стерегли очень узкий проход, образованный Каспийскими воротами, составлявший единственное место, по которому могла пройти кавалерия. Во всех других местах варварам пришлось бы спускаться по пропастям и бросить свою кавалерию, составлявшую всю их силу. Им преграждал путь еще Араке — глубокая река, текущая с запада на восток, переправу через которую можно было легко защищать.

Кроме того, персы*были в безопасности со стороны востока; с юга они были ограждены морем. Им легко было поддерживать раздоры между арабскими князьями, думавшими только о том, чтобы грабить друг друга. Таким образом, персы имели своими врагами только римлян. «Мы знаем, — говорил их посол Гормисдас, — что римляне заняты многими войнами и должны сражаться почти со всеми народами; они же, наоборот, знают, что мы должны воевать только против них».

Персы стали (упражняться в военном искусстве и совершенствовать его в такой же степени, в какой римляне стали пренебрегать им. «Персы, — говорил Велизарий своим солдатам, — не превосходят вас в храбрости, но имеют то преимущество перед вами, что строго соблюдают дисциплину».

В переговорах они обнаруживали такое же превосходство, как и в войне. Под тем предлогом, что они держали гарнизон в Каспийских воротах, они требовали от римлян дани, как будто каждый народ не должен был охранять свои границы. Они брали выкуп за мир, за перемирие, за прекращение военных действий, за время, проведенное в переговорах, за время, потраченное на ведение войны.

Когда авары переправились через Дунай, то римляне, в большинстве случаев не имевшие войск для их отражения и будучи заняты войной против персов тогда, когда надо было сражаться против аваров, и войной против аваров, когда надо было отражать персов, были принуждены платить дань и аварам. Вследствие этого авторитет империи значительно пал у всех народов.

Юстин, Тиберий и Маврикий прилагали большие усилия для защиты империи. Последний обладал известными добродетелями, но он затмил их бесконечной алчностью, недостойной великого государя.

Аварский царь предложил Маврикию выкупить находившихся у него римских пленников, заплатив за каждого половину мелкой серебряной монеты. Когда Маврикий отказался дать выкуп, царь приказал зарезать их. Охваченная негодованием, римская армия возмутилась; в это же время подняли мятеж и «зеленые». Был выбран императором центурион по имени Фока, который казнил Маврикия и его детей.

История Греческой империи (так мы будем называть в дальнейшем Римскую империю) есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств. Подданные не имели никакого представления о верности государю. Порядок в наследовании престола так часто прерывался, что титул «багрянородный», обозначающий ребенка, родившегося в покоях, где разрешались от бремени императрицы, стал отличительным титулом, который носили лишь немногие государи из различных династий.

Все способы были хороши, чтобы прийти к власти: императорами становились при помощи солдат, духовенства, сената, крестьян, населения Константинополя и других городов.

Когда христианская религия стала господствующей, в империи последовательно возникли многочисленные ереси, которые следовало предавать осуждению. Арий отрицал

божественность слова, Македонии — святого духа; Несторий отрицал единство личности Иисуса Христа, Евтихий — его две природы, монотелиты отрицали в нем две воли. Нужно было опровергать их заблуждения на соборах; но, поскольку решения соборов не были тотчас же признаны всеми, многие императоры впадали в осужденные ереси. Так как не было народа, который питал бы такую глубокую ненависть к еретикам, как греки, считавшие себя оскверненными, если говорили с еретиком или жили с ним, то многие императоры потеряли расположение своих подданных и народы привыкли думать, что государи, столь часто восстававшие против бога, не могли быть выбраны провидением для управления ими.

Известное мнение, возникшее из представления, что не следовало проливать христианскую кровь, все больше распространявшееся по мере появления магометан, было причиной того, что преступления, не касавшиеся непосредственно религии, наказывались слабо. Удовлетворялись тем, что выкалывали глаза, отрезали нос или волосы или уродовали каким-либо другим способом тех, кто подымал мятеж или покушался на особу государя. Подобные злодеяния можно было совершать без риска; от лиц, покушавшихся на них, не требовалось даже и смелости.

Известное почтение к императорским украшениям имело своим следствием то, что тот, кто отваживался надеть их, немедленно становился предметом всеобщего внимания. Носить или иметь у себя пурпурную одежду считалось преступлением. Но как только человек облакался в пурпур, он немедленно находил приверженцев, ибо одеянию оказывали больше почтения, чем лицу.

Далее, честолюбие возбуждалось странной манией, господствовавшей в это время: почти не было ни одного выдающегося человека, который не опирался бы на какое-либо предсказание, сулившее ему престол.

Так как болезни духа неизлечимы, то астрология и гидромантия, т. е. искусство гадать по образам, появляющимся в сосуде с водой, заменили у христиан гадания по внутренностям жертвенных животных и по полету птиц, уничтоженные вместе с язычеством. Пустые обещания стали побудительной причиной большей части безрассудных предприятий частных лиц, точно так же как они сделались мудростью в Совете государей.

Все увеличивавшиеся бедствия империи заставили население приписывать дурному правлению государей как неудачи на войне, так и позорные мирные договоры.

Сами революции порождали революции, и действие само становилось причиной. Так как греки видели множество правящих династий, сменявших друг друга, то они не были привязаны ни к одной. Так как фортуна возводила на трон людей всякого звания, то каждый мог надеяться стать императором, сколь бы низкого происхождения он ни был и как бы мало заслуг он ни имел.

Многие примеры, освященные в народе, сформировали его характер и претворились в нравы, царствующие столь же полновластно, как и законы.

Кажется, что в настоящее время гораздо труднее воплощать великие замыслы, чем в древние времена. Их нелегко скрывать, потому что теперь гораздо живее сообщения между народами, потому что каждый государь имеет послов при каждом дворе и может иметь изменников во всех кабинетах.

Учреждение почты привело к тому, что новости мчатся и приходят со всех сторон.

Так как великие предприятия не могут быть выполнены без денег, а после изобретения векселей все важные предприятия стали целиком зависеть от купцов, то дела купцов очень часто тесно сплетаются с государственными тайнами; и они не жалеют никаких усилий, чтобы проникнуть в них.

Изменения вексельного курса без известной причины приводят к тому, что многие

стремятся проводить такие изменения и добиваются их.

Изобретение книгопечатания, давшее всем возможность пользоваться книгами, изобретение гравюр, сделавшее географические карты столь доступными, и, наконец, появление газет дают каждому возможность узнать, в чем состоят общие интересы, а тем самым легче разгадать смысл тайных фактов.

Заговоры в государстве стали трудны, потому что после учреждения почты все тайны частных лиц находятся во власти общества.

Государи могут действовать быстро, потому что они распоряжаются силами государства; заговорщики должны действовать медленно, потому что им не хватает всего; но теперь, когда все обнаруживается легко и скоро, заговоры раскрываются уже в тот короткий период времени, который нужно употребить на то, чтобы только сговориться друг с другом.

ГЛАВА XXII Слабость Восточной империи

При этих смутных обстоятельствах Фока не мог утвердиться на престоле. Гераклий пришел из Африки и велел его казнить; провинции были в руках врагов, а легионы истреблены.

Он едва успел отвратить эти бедствия, как арабы вышли из своей страны, распространяя свою религию и расширяя империю, одновременно основанные Магометом.

Никогда не видели столь быстрых успехов; арабы скоро покорили Сирию, Палестину, Египет, Африку и захватили Персию.

Бог допустил, что его религия перестала быть господствующей во многих странах. Это не значит, что он отверг ее от своего лица, ибо будет ли она в славе или в состоянии крайнего унижения, она одинаково способна производить свойственные ей действия, состоящие в духовном просвещении человека.

Религия процветает при других условиях, чем государство. Знаменитый автор²⁵ говорил, что он желал бы быть больным, ибо болезнь есть истинное состояние христианина. Точно так же можно было бы сказать, что унижение церкви, гонения на нее, разрушение ее храмов, страдания ее мучеников служат ее прославлению; но когда она в глазах мира торжествует, то это показывает, что она находится в периоде своего падения.

Чтобы объяснить себе причину такого необыкновенного явления, как завоевание арабами стольких стран, не следует приписывать ее одному лишь энтузиазму их. Сарацины издавна выделялись храбростью среди римских и персидских вспомогательных войск; озроенийцы и они были лучшими лучниками в мире. Александр Север и Максимиан наняли их, сколько могли, и пользовались ими с большим успехом против германцев, которых они убивали издали; при Валенте готы не могли выдерживать их натиск; сарацины и озроенийцы составляли в это время лучшую кавалерию в мире.

Мы говорили, что у римлян европейские легионы были лучше азиатских. Но как раз обратное следует утверждать о кавалерии; я говорю о кавалерии парфян, озроенийцев и сарацин. Они удержали натиск римлян, потому что после Антиоха верхней Азией завладел новый татарский народ, а именно парфяне, имевшие лучшую кавалерию в мире.

Эта кавалерия имела тяжелое оружие, европейская же — легкое; теперь мы видим "как раз обратное. Голландия и Фрисландия не были еще, так сказать, созданы; Германия же была покрыта лесами, озерами и болотами, где кавалерия была бесполезна.

Вследствие того, что реки получили определенные русла и болота высохли, Германия изменила свой вид. Укрепления Валентиниана при Неккаре, а римлян на Рейне произвели значительные перемены; после установления торговли жители тех стран, где раньше не было коней, стали стараться разводить их и пользоваться ими.

После того как Константин, сын Гераклия, был отравлен, а его сын Констант убит в Сицилии, на престол вступил Константин Бородатый, старший сын Константа. Когда собрались

вельможи Восточной империи, то они хотели венчать на царство двух его братьев, утверждая, что, подобно тому как следует верить в святую троицу, подобает иметь и трех императоров.

Греческая история представляет множество таких характерных черт; так как слабоумие стало характером всего народа, то не было больше мудрости в предприятиях; мятежи возникали без причин, революции происходили без мотивов.

Всеобщее ханжество уничтожило смелость в людях и привело в оцепенение всю империю. Константинополь, собственно говоря, являлся единственной страной на Востоке, где господствовала христианская религия. Но эта трусость, леность, расслабленность азиатских народов смешались с самой набожностью. Приведу из тысячи примеров только следующий:

Филиппин, генерал Маврикия, перед тем как дать сражение, стал плакать при мысли о том, какое множество людей должно погибнуть.

Совсем другие слезы были у арабов, которые плакали с досады, что их генерал заключил перемирие, помешавшее им проливать христианскую кровь.

Дело в том, что фанатическая армия имеет совершенно другой характер, чем ханжеская. В знаменитую революцию, происходившую в наше время, армии Кромвеля были похожи на арабские, а армии Ирландии и Шотландии — на греческие.

Грубое суеверие, которое в такой же степени унижает ум, в какой религия его возвышает, полагало всю добродетель и возлагало все упования на тупое почитание икон; таким образом, некоторые генералы снимали осады и теряли города, чтобы получить мощи.

Христианская религия в Греческой империи пришла в такое же состояние упадка, в каком она находилась в наше время у московитов до того, как царь Петр I возродил этот народ и ввел в управляемом государстве больше перемен, чем это делают завоеватели в покоренных ими странах.

Легко поверить, что греки впали в некоторого рода идолопоклонство. Никто не станет обвинять итальянцев и немцев того времени в том, что они плохо соблюдали внешние церковные обряды. Между тем, когда греческие историки говорят о презрении, которое питают эти народы к мощам и иконам, то можно было бы подумать, что дело идет о наших ученых толкователях, ожесточенно нападающих на учение Кальвина. Когда немцы проходили по Армении во время крестовых походов, то, по словам Никиты, армяне встречали их как друзей, потому что они не молились иконам. Но если, по мнению греков, итальянцы и немцы недостаточно почитали иконы, то какой же степени достигло у них иконопочитание?

На Востоке произошла почти такая же революция, какая была на Западе около 200 лет тому назад, когда при возрождении наук начали замечать злоупотребления и беспорядки и каждый начал искать способов отвратить зло, но вместо исправления церкви смелые и необузданные люди растерзали ее.

Лев Исавр, Константин Копроним и Лев, его сын, начали гонения против икон; после того как императрица Нрина восстановила иконопочитание, Лев Армянин, Михаил Заика и Теофил вновь отменили его. Эти государи думали, что можно положить предел иконопочитанию, только уничтожив его. Они вели ожесточенную борьбу против монахов, причинявших вред государству; прибегая все время к крайним мерам, они хотели истребить их мечом вместо того, чтобы стараться ограничить их влияние» Монахи, которых сторонники новых верований обвиняли в идолопоклонстве, платили им той же монетой, обвиняя их в волшебстве; показывая народу церкви, лишённые икон и всех других предметов, вызывавших его поклонение, они старались его уверить, что все это не имеет никакой другой цели, кроме жертвоприношения демонам.

Спор по поводу иконопочитания был таким ожесточенным (так что впоследствии разумные люди не могли найти способа ввести умеренное иконопочитание) по той причине, что он был

связан с очень щекотливым вопросом: спор шел о власти. Монахи, захватив власть, могли усилить или удержать ее только таким образом, что делали все более пышным внешнее богослужение, часть которого составляли они сами.

Вот почему цари, возбуждавшие гонения на иконы, всегда воевали против монахов; когда иконоборцы достигли своей цели, их власть не имела больше границ.

Тогда произошло то же самое, что произошло несколько веков спустя при спорах Варлаама и Акиндина с монахами, волновавших империю вплоть до ее гибели. Спорили о том, был ли свет, окружавший Иисуса Христа на горе Фаворе сотворенным или несотворенным. По существу монахи меньше всего беспокоились о том, был ли он сотворенным или несотворенным; но так как Варлаам напал прямо на них, то непременно нужно было, чтобы этот свет был несотворенным.

Война, объявленная монахам императорами-иконоборцами, Привела к тому, что отчасти вернулись к старым принципам управления: стали употреблять государственные доходы на пользу общества, и государство напоследок избавилось от наложенных на него пут.

Когда я думаю о глубоком невежестве, в которое греческое духовенство погрузило мирян, я не могу не сравнить их со скифами, которые, по словам Геродота ²⁶, выкалывали глаза своим рабам с той целью, чтобы ничто не развлекало их и не мешало им сбивать молоко.

Императрица Феодора восстановила иконопочитание, и монахи начали злоупотреблять благочестием народа; они дошли до того, что стали притеснять белое духовенство; они завладели всеми важными местами и мало-помалу лишили всех церковнослужителей права получать сан епископа. Все это навлекло ненависть на монахов. Если провести параллель с латинским духовенством и сравнить поведение пап с поведением константинопольских патриархов, то, насколько одни были мудры, настолько другие были неблагоразумны.

Вот странные противоречия человеческого ума. Священнослужители первых римлян, не будучи исключены из гражданского общества и имея право занимать в нем должности, мало заботились о делах этого общества. Когда была установлена христианская религия, духовенство, более отдаленное от мирских дел, вмещивалось в них только изредка. Но когда при упадке Римской империи одни только монахи составляли духовенство, эти люди, обязанные по специальному обету избегать мирских дел и опасаться их, пользовались всяким поводом, чтобы вмещиваться в эти дела. Они повсюду не переставали производить шум и волновать мир, который они покинули.

Никакое государственное дело, никакой мир, никакая война, никакое перемирие, никакие дипломатические переговоры, никакой брак не совершались без участия монахов. Ими были полны советы государей, в народных собраниях почти никого не видно было, кроме них.

Трудно представить себе все то зло, которое явилось в результате этого. Монахи расслабили умы государей и заставили их поступать безрассудно, даже когда они совершали добрые дела. В то время как военные матросы по повелению Василия были заняты постройкой церкви святого Михаила, сарацины грабили Сицилию и взяли Сиракузы. А когда его преемник Лев употреблял свой флот для той же цели, он позволил сарацинам захватить Тавромению и остров Лемнос. Андроник Палеолог перестал заботиться о флоте, потому что его уверили, что бог так доволен его ревностным стремлением вернуть мир церкви, что враги не посмеют напасть на него. Он боялся, что бог потребует у него отчета за время, употребленное на управление государством, которое он мог провести в религиозных размышлениях.

Греки — великие говоруны, великие спорщики, софисты по природе — постоянно вступали в религиозные споры. Так как монахи пользовались большим влиянием при дворе, слабевшем по мере того, как он развращался, то получилось, что монахи и двор взаимно развращали друг друга и что зло заразило обоих. В результате все внимание императоров было

поглощено тем, чтобы то успокаивать, то возбуждать богословские споры, относительно которых замечено, что они становились тем горячее, чем незначительнее была причина, вызвавшая их.

Михаил Палеолог, в правление которого происходили горячие религиозные споры, видя ужасные опустошения, причиненные турками в Азии, говорил, вздыхая, что безрассудное религиозное рвение некоторых людей, которые, порицая его поступки, возмутили против него его подданных, заставило его употребить все усилия для сохранения собственной жизни и пренебречь разоряемыми провинциями. «Я удовольствовался тем, — говорил он, — что поручил устройство отдаленных провинций правителям, которые скрывали от меня их бедственное положение, потому ли что они были подкуплены деньгами или же потому, что они боялись наказания».

Константинопольские патриархи обладали громадной властью. Так как во время народных волнений императоры и вельможи государства укрывались в церквях, где патриарх мог их выдать или нет, причем он пользовался этим правом по своему усмотрению, то он, хотя и косвенно, играл решающую роль во всех государственных делах.

Когда старый Андроник велел сказать патриарху, чтобы тот занимался церковными делами, а управление государством предоставил ему, то патриарх ответил: «Это все равно, как если бы тело говорило душе: «я не желаю иметь ничего общего с тобой, я не нуждаюсь в твоей помощи для отправления свойственных мне обязанностей»».

Государи часто считали невыносимыми чудовищные притязания патриархов и лишали их престола. Но у суеверного народа, взиравшего с отвращением на все церковные службы, отправлявшиеся патриархом, которого он считал самозванцем, это приводило к непрерывным расколам; всякий патриарх — старый, новый, новейший — находил своих приверженцев.

Эти раздоры были гораздо хуже тех, которые возникали по поводу религиозных догм, ибо они появлялись снова, как только какого-либо патриарха сгоняли с его престола.

Страсть к спорам была настолько свойственна грекам, что когда Кантакузен взял Константинополь, то император Иоанн и императрица Анна были заняты спорами на соборе, созванном монахами против их врагов. Осада Магометом II Константинополя не привела к прекращению вражды, возникшей из богословских споров; там были больше заняты Флорентийским собором, чем турецкой армией.

При обыкновенных спорах, когда каждый чувствует, что может ошибаться, упрямство и настойчивость не бывают чрезмерными; но при религиозных спорах, где каждый по природе предмета считает свое мнение правильным, мы возмущаемся против тех, кто, вместо того чтобы изменить свое мнение, упорно старается заставить нас изменить наше мнение.

Читая историю Пахимера, мы убеждаемся, что богословы своими собственными силами никогда не были и не будут в состоянии прекратить свои споры. Мы видим императора, который занят только тем, что созывает богословов, выслушивает их, примиряет их; с другой стороны, непримиримая злоба богословов приводит к вечным спорам; и мы понимаем, что, если следовать тому же методу, обнаруживать то же терпение, возлагать те же надежды, чувствовать то же желание привести спор к концу, проявлять то же чистосердечие по отношению к интригам и то же почтение к злобе богословов,— они все равно никогда не примирятся до окончания мира.

Вот замечательный пример. По просьбе императора сторонники патриарха Арсения заключили договор со сторонниками патриарха Иосифа, согласно которому обе стороны должны были написать свое мнение, каждая на отдельном листе; эти два листа следовало бросить в огонь; если один из них останется невредим, то следует положиться на волю Божию; если же сгорят оба листа, то обе стороны должны прекратить свои споры. Огонь уничтожил оба

листа; обе стороны объединились, но мир продолжался только один день; на следующий день спорящие стороны утверждали, что их обращение должно зависеть от внутреннего убеждения, а не от случая. Война возобновилась с удвоенной силой.

На богословские споры следует обращать большое внимание, но это внимание следует скрывать насколько возможно, так как явное стремление успокоить их всегда придает им слишком большое значение, указывая, что образ мыслей богословов настолько важен, что от него зависят спокойствие государства и безопасность государя.

Богословские споры так же трудно кончать посредством тонких различий, как невозможно уничтожить дуэли, устраивая школы, где особенно тщательно разбирались бы вопросы чести.

Греческие императоры были так мало благоразумны, что, когда споры затихали, они старались по своему безумию вновь возбудить их. Анастасий, Юстиниан, Гераклий, Мануил Комнин предлагали разбирать спорные вопросы веры своему духовенству и народу, которые не признали бы правильными мнения императоров, если бы даже они нашли истину. Таким образом, ошибаясь всегда по форме, а часто и по существу, желая показать свою проницательность, которую они могли бы так же хорошо проявить и в других доверенных им делах, императоры возбуждали суетные споры о природе бога, которая, не поддаваясь изысканиям ученых вследствие их гордости, не более открыта и для владык земли.

Ошибочно думать, будто на свете существует человеческая власть, деспотическая во всех отношениях; такой власти никогда не было и не будет; самая большая власть всегда ограничена в каком-либо отношении, Пусть султан наложит новую подать на Константинополь; крик, который тотчас же подымется со всех сторон, покажет ему пределы, которых он раньше не знал. Персидский царь может легко заставить сына убить отца, а отца — сына, но не может принудить своих подданных пить вино. У каждой нации существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается.

Наиболее отравленный источник всех бедствий греков заключался в том, что они никогда не знали природы и пределов духовной и светской власти; это привело к тому, что и с той, и с другой стороны постоянно впадали в заблуждения.

Это великое различие, служащее базисом, на котором покоится благополучие народа, само основано не только на религии, но и на разуме, и на природе, в силу которых никогда не следует смешивать все то, что в действительности разделено и может существовать только отдельно друг от друга.

Хотя у древних римлян духовенство не существовало как отдельное сословие, однако им это различие было так же хорошо известно, как и нам. Клодий посвятил Свободе дом Цицерона, который, вернувшись из ссылки, потребовал дом обратно. Понтифики решили, что если он был посвящен без определенного постановления народа, то, не оскорбляя религии, можно вернуть Цицерону его дом. «Они заявили, — говорит Цицерон, — что они рассматривали только законность посвящения, а не закон, изданный народом; что они обсуждали первый пункт как понтифики, но будут обсуждать второй пункт как сенаторы».

ГЛАВА XXIII 1. Причины прочности Восточной империи. — 2. Ее гибель

После всего сказанного мною о Греческой империи естественно напрашивается вопрос, как она могла существовать так долго. Я думаю, что в состоянии объяснить причины этого. Арабы, напав на империю, завоевав несколько провинций, не могли двинуться дальше ввиду раздоров, возникших между их вождями по поводу халифата. Первый жар их религиозного рвения претворился в гражданские разногласия.

Когда те же арабы, завоевав Персию, разделились и ослабели, то избавили греков от

необходимости держать на Евфрате главные силы своей империи.

Архитектор по имени Каллиник, пришедший из Сирии в Константинополь, нашел такой состав огня, пускаемого через трубку, что вода и все другие вещества, служащие для тушения огня, только увеличивали его жар. Греки, пользовавшиеся им, были в состоянии в течение нескольких веков сжигать все флоты своих врагов, в особенности арабов, которые приплывали из Африки и Сирии и нападали на греков вплоть до Константинополя. Этот огонь считался государственной тайной; Константин Багрянородный в сочинении об управлении империей, посвященном его сыну Роману, предупреждает его, что если варвары будут у него требовать «греческого огня», то он должен ответить, что ему не позволено дать его им; ибо ангел, принесший его императору Константину, запретил передавать его другим народам; так что те, которые дерзнули это сделать, были уничтожены небесным огнем, как только вошли в церковь.

Константинополь владел в самых обширных размерах и почти монопольно торговлей в такое время, когда готические племена, с одной стороны, и арабы — с другой, уничтожили торговлю и промышленность во всех странах. Производство шелка перешло туда из Персии; после нашествия арабов оно пришло в упадок в самой Персии; кроме того, греки владели морем. Это принесло государству громадные богатства и открыло значительные ресурсы. Как только империя получала некоторое облегчение, общество приходило опять в цветущее состояние.

Вот замечательный пример этого. Старый Андроник Комнин был Нероном греков; но так как при всех его пороках он обнаружил удивительную твердость в защите народа от несправедливостей и вымогательств вельмож, то было замечено, что в течение его трехлетнего царствования провинции опять поправились.

Наконец, варвары, жившие по берегам Дуная, окончательно осели; тогда они уже перестали внушать опасения и сами послужили барьером против других варварских племен.

Между тем как империя при плохом правлении клонилась к упадку, имелись, однако, специальные причины, поддерживавшие ее. Точно так же мы видим ныне, что некоторые европейские нации, несмотря на свою слабость, сохраняются благодаря американским сокровищам; а светские владения папы сохраняются благодаря уважению, которое внушает их государь. Корсары Берберии держатся благодаря тому, что они чинят препятствия торговле маленьких наций, что делает их полезными великим нациям.

Турецкая империя находится теперь почти в таком же состоянии слабости, в каком находилась некогда греческая; тем не менее она будет существовать долго. Ибо, если бы какой-либо государь во время своих завоеваний подверг эту империю опасности, три торговые державы Европы слишком хорошо понимают свою пользу, чтобы не выступить немедленно на ее защиту.

Это уже счастье некоторых наций, что бог дозволил им без всякой пользы для себя владеть великими империями.

Во время Василия Багрянородного могущество арабов было сломлено в Персии; Магомет, сын Самбраила, царствовавший там, призвал на помощь с севера 3 тысячи турок. Ввиду недовольства, возбужденного ими, он послал против них армию, но они ее обратили в бегство. Магомет, возмущенный своими солдатами, приказал им явиться перед ним одетыми в женское платье. Но они соединились с турками, которые немедленно напали на гарнизон, охранявший мост через Араке, и открыли проход бесчисленному множеству своих соотечественников.

Завоевав Персию, они распространились с востока на запад по землям империи; Роман Диоген, желавший их задержать, был взят ими в плен, после чего они покорили почти все греческие владения в Азии, вплоть до Босфора.

Через некоторое время приправленной Алексея Комнина латины напали на Запад. Издавна существовавший злополучный раскол возбудил непримиримую вражду между греками и

латинами, придерживавшимися различных обрядов. Он бы вспыхнул раньше, если бы итальянцы не думали больше об оказании отпора германским императорам, которых они опасались, чем о греческих императорах, которых они только ненавидели.

При таких обстоятельствах вдруг распространилось в Европе религиозное убеждение, что так как места, где родился и пострадал Иисус Христос, осквернены неверными, то, кто желает получить отпущение грехов, должен взяться за оружие, чтобы выгнать неверных оттуда. Европа была полна людей, любивших войну, имевших много преступлений на своей совести, которым предложили искупать эти грехи, следуя своей господствующей страсти: все нашили себе кресты и взялись за оружие.

Крестоносцы, прибыв на Восток и осадив Никею, взяли ее; они ее вернули грекам; воспользовавшись тяжелым положением неверных, Алексей и Иоанн Комнины прогнали турок вплоть до Евфрата.

Но каковы бы ни были выгоды, которые греки извлекали из крестовых походов, не было ни одного императора, который не трепетал бы от страха при виде опасности, угрожавшей его владениям, по которым проходили последовательно столь смелые герои и столь многочисленные армии.

Поэтому они старались отвратить европейцев от этих предприятий; крестоносцы находили повсюду предательства и измены и все, чего можно ожидать от трусливого неприятеля.

Следует признать, что французы, начавшие эти походы, нисколько не старались сделать себя приятными. Жалобы, направленные против нас Алексеем Комнином, показывают на самом деле, что мы нисколько не стеснялись, находясь среди чужого народа, и что мы уже тогда имели те самые пороки, в которых нас упрекают ныне.

Французский граф хотел было сесть на трон императора, граф Балдуин схватил его за руку и сказал ему: «Вы должны знать, что, находясь в чужой стране, нужно следовать ее обычаям». «Но ведь это настоящий мужик, — возразил тот, — он сидит здесь, когда столько полководцев стоят!»

Немцы, пришедшие потом, самые прекрасные люди на свете, очень дорого заплатили за наши безрассудства, так как их всюду встречали с отвращением, виной чего были мы.

Наконец, ненависть достигла высшей степени; некоторые обиды, учиненные венецианским купцам, честолюбие, жадность, ложное религиозное рвение побудили французов и венецианцев предпринять крестовый поход против греков.

Они нашли их в таком же расслабленном состоянии, в каком в наше время татары нашли китайцев. Французы, смеясь над пышной одеждой греков, ходили по улицам Константинополя, облаченные в художественно изукрашенные одежды, носили в руке чернильницу и бумагу в насмешку над этим народом, переставшим упражняться в военном искусстве; после окончания войны они отказались принять в свое войско кого-либо из греков.

Они завоевали всю западную часть империи и избрали императором графа фландрского, который ввиду отдаленности его владений не мог причинить итальянцам никакого беспокойства. Греки, отделенные от турок горами, а от латинов морем, удержали восточную часть.

Латины, не встретившие никаких препятствий при своих завоеваниях, встретили их бесконечное число при своем стремлении удержать завоеванное; греки перешли опять из Азии в Европу, возвратили себе Константинополь и почти весь Запад.

Но эта новая империя была только тенью прежней; она не имела никаких ресурсов к своему восстановлению и никакого могущества.

В Азии она владела только провинциями, расположенными по сю сторону Меандра и Сангария; большая часть европейских провинций была разделена на мелкие владения.

Кроме того, в течение тех 60 лет, когда Константинополем владели латины, побежденные рассеялись по другим странам, а победители были заняты войнами, вследствие чего торговлей завладели целиком итальянские города и Константинополь лишился своих богатств.

Даже внутренняя торговля находилась в руках латинов. Греки, вернувшие свои потерянные владения и опасавшиеся всего, хотели примириться с генуэзцами; они им предоставили право беспошлинной торговли. Венецианцы же не заключили мира, а согласились только на перемирие; воспользовавшись тем, что греки не хотели их раздражать, они также ничего не платили.

Хотя до взятия Константинополя флот пришел в упадок вследствие небрежности Мануила Комнина, однако, поскольку еще существовала торговля, его можно было легко восстановить. Но когда при новой империи совершенно отказались от флота, зло стало непоправимым, так как силы империи становились все меньше.

Это государство, господствовавшее над многими островами, разделенное морем и окруженное им со многих сторон, не имело флота, чтобы плавать по нему. Провинции не имели больше сообщения между собой; народ был принужден удаляться вглубь страны, чтобы спастись от пиратов; когда же он это делал, ему приказывали укрываться в крепостях, чтобы спастись от турок.

Турки вели тогда против греков своеобразную войну; они, собственно говоря, отправлялись на охоту за людьми; они иногда проходили до 200 миль, разоряя страну. Так как ими управляли многие султаны, то невозможно было склонить их всех к миру посредством подарков; а заключать мир с некоторыми из них было бесполезно. Они приняли магометанскую веру; их религиозное рвение особенно побуждало их разорять христианские земли. Далее, так как эти народы были самые безобразные на земле, то жены их были столь же отвратительны, как они; когда они видели гречанок, то не могли больше терпеть других женщин. Это побуждало их непрерывно похищать гречанок. Они всегда были склонны к грабежам; это были те же самые гунны, которые когда-то причинили столько бедствий Римской империи.

После завоевания турками остальных азиатских областей греческой империи жители, которые могли от них скрыться, бежали вплоть до Босфора. Те, которые нашли корабли, убежали в европейскую часть империи; это значительно увеличило число ее жителей. Но оно скоро сильно уменьшилось. Между ними происходили такие жестокие гражданские войны, что обе стороны призывали на помощь различных турецких султанов на том условии, столь же необыкновенном, как и варварском, что все жители противной стороны, которые будут захвачены турками, будут увезены ими в рабство. Каждая сторона, стремясь уничтожить своих врагов, содействовала истреблению народа.

После покорения Баязетом всех других султанов турки сделали бы уже тогда то, что привели в исполнение потом, при Магомете II, если бы им самим не угрожала опасность истребления их татарами.

Я не имею смелости говорить о последующих бедствиях. Скажу только, что при последних императорах империя, ограниченная предместьями Константинополя, кончилась, подобно Рейну, который кажется не более ручья, теряясь в океане.